Владимир Дайнес

Кавалеры ордена «ПОБЕДА»

МАРШАЛ ВАСИЛЕВСКИЙ

Кавалеры ордена «Победа»

Владимир Дайнес

Маршал Василевский

2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.12

Дайнес В. О.

Маршал Василевский / В. О. Дайнес — 2016 — (Кавалеры ордена «Победа»)

Участник четырех войн – Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной и войны с Японией, Александр Михайлович Василевский стремительно поднялся на самую вершину военного Олимпа. В ходе Великой Отечественной войны А.М. Василевский умело руководил Генеральным штабом, а также проявил недюжинный талант полководца, мастера подготовки, планирования и проведения стратегических и фронтовых операций. В книге на основе широкого круга документальных источников и ранее опубликованной литературы рассматривается творческая лаборатория маршала А.М. Василевского, его вклад в достижение победы над нацистской Германией.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.12

© Дайнес В. О., 2016

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 24
Глава третья 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Владимир Дайнес
Маршал Василевский

Глава первая
«Ценный оперативный работник»

– Товарищ Василевский, вы вот массой войск руководите, и у вас это неплохо получается, а сами, наверное, и мухи не обидели…

Действительно, на удивление Сталину, Василевский «муху» не обижал, что, однако, не сказывалось на деле. Он не раз проявлял твердость, отстаивая свою точку зрения перед Верховным Главнокомандующим. В то же время к подчиненным Александр Михайлович относился с уважением, вниманием и чуткостью. Даже распекая виновного, он обычно говорил так:

– Извольте быть впредь аккуратнее…

– Вы сегодня меня огорчили. Надеюсь, мои замечания не останутся без последствий…

Писатель К.М. Симонов, неоднократно встречавшийся с Василевским, отмечал: *«Александр Михайлович соединял в себе непреклонную волю и удивительную чуткость и деликатность… Он был замечательным представителем русской интеллигенции в рядах нашей Советской Армии, которой он отдал всю свою жизнь и все свои силы…».*

Согласно метрической книге А.М. Василевский родился 16 сентября 1895 г., хотя сам он указывает иную дату – 17(30) сентября, привязывая ее ко дню рождения матери в христианский праздник Веры, Надежды, Любви, который по новому стилю празднуется 30 сентября. Это ошибка, ибо при переводе дат со старого на новый стиль для XIX века необходимо прибавлять не 13, а 12 дней. Еще больше запутывают ситуацию «Советская военная энциклопедия» и «Военная энциклопедия», которые указывают иную дату рождения – 18(30) сентября. Они же свидетельствуют, что это произошло в селе Новая Гольчиха Кинешемского уезда Костромской губернии. Сам Василевский в своей автобиографии, написанной в 1938 г., называет другое место рождения – село Новопокровское. При подготовке книги «Дело всей жизни» он уточняет место рождения – село Новая Гольчиха.

Отец будущего маршала Михаил Александрович Василевский, 1866 года рождения, являлся церковным регентом и псаломщиком Никольского единоверческого храма. Мать, Надежда Ивановна, дочь псаломщика Соколова в селе Углец Кинешемского уезда, родилась 30 сентября 1872 г. И мать, и отец, как гласит метрическая книга Никольской церкви села Новая Гольчиха, были «православного вероисповедания по единоверию». В семье Василевских было восемь детей: братья Дмитрий, Евгений, Виктор, Александр; сестры Екатерина, Елена, Вера и Маргарита.

В своих мемуарах «Дело всей жизни» А.М. Василевский подчеркивает: *«Моя биография вплоть до Великого Октября не содержит в себе ничего особенного. Я выходец из духовного сословия. Но таких людей в России были десятки тысяч. Я был офицером в царской армии. Но и их в России насчитывалось множество»*[1].

Позволим себе не согласиться с Александром Михайловичем. Как мы увидим дальше, в его биографии до октября 1917 г., который он определил «рубежом в жизни не только России, но и всего человечества», были страницы, обозначившие грани военного таланта Василевского, засверкавшие позднее в годы Великой Отечественной войны.

---

[1] Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 11. В дальнейшем все цитаты будут даваться по этому изданию.

Василевский, вспоминая свое детство, подчеркивал, что оно «прошло в постоянной нужде, в труде ради куска хлеба насущного». Если же верить его сыну, Юрию Александровичу, то «постоянной нужды» не было. У Михаила Александровича была своя пасека. Он, отказывая себе во многом, выписывал с Северного Кавказа пчел особой породы.

Летом 1909 г. Александр Василевский окончил кинешемское духовное училище и осенью поступил в костромскую духовную семинарию. Однако особого желания принять священнический сан он не испытывал. В своих мемуарах он отмечал, что хотел пойти по стопам таких семинаристов, как писатели Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов, академики Ф.И. Успенский и В.Г. Васильевский, В.О. Ключевский и И.П. Павлов. *«Я мечтал, окончив семинарию, – пишет Александр Михайлович, – поработать года три учителем в какой-нибудь сельской школе и, скопив небольшую сумму денег, поступить затем либо в агрономическое учебное заведение, либо в Московский межевой институт».*

Все планы Василевского нарушила Первая мировая война. Он, обуреваемый патриотическими чувствами, решил стать военным. В январе 1915 г., сдав выпускные экзамены экстерном, Александр Михайлович выехал в Москву, где поступил в Алексеевское военное училище. Этот свой шаг он комментирует следующим образом: *«Решение стать офицером было принято мною не ради того, чтобы сделать карьеру военного. Я по-прежнему лелеял мечту быть агрономом и трудиться после войны в каком-нибудь углу бескрайних российских просторов. Я тогда и не предполагал, что все повернется иначе: и Россия будет уже не та, и я стану совсем другим…».*

В училище Василевский пробыл всего четыре месяца. *«Обучали нас, почти не учитывая требований шедшей войны, но устаревшим программам, – вспоминает он. – Нас не знакомили даже с военными действиями в условиях нолевых заграждений, с новыми тинами тяжелой артиллерии, с различными заграничными системами ручных гранат (кроме русской жестяной “бутылочки ”) и элементарными основами применения на войне автомобилей и авиации. Почти не знакомили и с принципами взаимодействия родов войск. Не только классные, но и нолевые занятия носили больше теоретический, чем практический характер. Зато много внимания уделялось строевой муштре… Что же я вынес из стен училища? Каким был багаж моих знаний? Мы получили самые общие знания и навыки, необходимые офицеру лишь на первых норах. Не задумываясь о социальном назначении армии и ее командиров, я считал тогда непременным качеством хорошего командира умение руководить подчиненными, воспитывать и обучать их, обеспечивать высокую дисциплину и исполнительность».*

Что можно сказать по этому поводу? Только одно – за четыре месяца дать будущим офицерам полноценный багаж военных знаний было невозможно. Русская армия к тому времени понесла большие потери и испытывала острую потребность в командных кадрах. Поэтому в мае 1915 г. в училище состоялся выпуск по ускоренному курсу обучения военного времени. Всех выпускников произвели в прапорщики и отправили в части. Василевский по разнарядке попал в запасный батальон, дислоцировавшийся в Ростове, уездном городе Ярославской губернии. Вскоре поступил приказ об отправке маршевой роты на фронт. Командир батальона, обратившись к офицерам, спросил:

– Господа офицеры, кто добровольно желает возглавить роту?

Зал молчал. Комбат снова повторил свой вопрос, но желающих по-прежнему не было. Тогда он приказал адъютанту приступить к отбору командира роты путем жребия. *«Мне было очень стыдно за всех находившихся в зале офицеров, – вспоминал Александр Михайлович. – Я очень хотел поскорее попасть на фронт, но не решался вызваться добровольно, так как считал пост командира роты для себя очень высоким. Так же, наверное, думали и другие прапорщики. Однако, видя, что никто из более старших не выражает желания сопровождать отправлявшуюся на фронт роту, я и еще несколько прапорщиков заявили*

о своей готовности. Меня поразило, что заявление было воспринято другими с явным удовлетворением. Вспоминая этот факт, хочется заметить, что он совершенно невероятен для офицеров Советских Вооруженных Сил. Но в царской армии был вполне обычным явлением…».

В сентябре 1915 г. А.М. Василевский прибыл на Юго-Западный фронт и получил назначение на должность полуротного командира 1-го батальона 409-го Новохоперского полка 103-й пехотной дивизии 9-й армии. Весной 1916 г. Александр Михайлович назначается командиром первой роты, которая через некоторое время стала одной из лучших в полку по подготовке, воинской дисциплине и боеспособности. Вместе со своими подчиненными Александр Михайлович принял участие в наступлении Юго-Западного фронта, так называемом Брусиловском прорыве. В связи с большими потерями в офицерском составе прапорщику Василевскому приходилось командовать не только ротой, но и батальоном. Однажды командир 3-го кавалерийского корпуса генерал граф Ф.А. Келлер потребовал для охраны своего штаба пехотный батальон. Для этой цели выделили первый батальон, которым временно командовал Василевский. Прибыв в штаб корпуса, он представился его начальнику штаба. Тот удивленно посмотрел на Александра Михайловича и спросил:

– Сколько вам лет, господин прапорщик?

– Двадцать два.

Начальник штаба ушел в другую комнату. Вскоре оттуда вышел граф Келлер, человек огромного роста. Он с улыбкой взглянул на Василевского, затем взял его голову в свои ручищи и сказал:

– Еще два года войны, и все вчерашние прапорщики станут генералами.

Граф Келлер как в воду глядел…

Почти полтора года Василевский провел на фронте, честно и добросовестно исполняя свой долг перед царем и Отечеством. Мы не знаем, каким было истинное отношение Александра Михайловича к Февральской и Октябрьской революциям 1917 года. По его словам, падение монархии он встретил с энтузиазмом, а затем признал советскую власть. Но это не повлияло на его решение оставить военную службу. В конце ноября штабс-капитан Василевский уволился в отпуск и отправился домой. Более полугода потребовалось Александру Михайловичу для того, чтобы определиться, как дальше строить свою жизнь. С июня 1918 г. он служит сотенным инструктором Всевобуча при Углецкой волости Кинешемского уезда Костромской губернии, а с сентября преподает в школе 1 – й ступени села Подъяковлево Новосильского уезда Тульской губернии.

В апреле 1919 г. в жизни А.М. Василевского наступает новый этап. Его призвали в Красную Армию и назначили взводным инструктором (помощником командира взвода) 4-го запасного батальона. И тогда, по его словам, он поклялся верой и правдой служить народной власти. С лета Александр Михайлович командует ротой, входившей в состав Тульской стрелковой дивизии. Здесь всего за несколько месяцев сделал головокружительную карьеру, пройдя последовательно ступени от командира роты до командира полка. Правда, сам он просил губернский ревком назначить командиром полка более опытного человека. Его просьба вначале осталась без ответа. Но настойчивости у Василевского было не занимать. Вскоре прислали нового командира полка, а Александра Михайловича назначили его помощником. Как, мы увидим в дальнейшем, он не раз отказывался от назначения на более высокую должность, мотивируя это отсутствием необходимого опыта. Наверное, так оно было. Но, следует учесть, что Василевский был человеком весьма осторожным, не любившим действовать наобум, а потому тщательно продумывал все свои шаги.

В должности помощника командира стрелкового полка А.М. Василевский принимает участие в войне с Польшей в 1920 г. В связи с болезнью начальника штаба 142-й стрелковой бригады Александр Михайлович временно исполнял его обязанности. *«Это был у меня,*

строевого командира, первый опыт штабной деятельности, пока еще очень скромный, – пишет он. – И, конечно, я и в мыслях не держал тогда, что со временем дойду до высоких штабных должностей».

В 1923 г. А.М. Василевский познакомился с Серафимой Николаевной Вороновой, с которой вскоре оформил законный брак. Она окончила реальное училище и несколько классов музыкальной школы. После свадьбы молодожены некоторое время жили в доме Вороновых. Со своими родителями Василевский, по собственному признанию, в 1924 г. утратил личную и письменную связь. Его отец сам настоял на разрыве.

– Не мучайся ты так, Саша – сказал он тогда, перекрестив сына, – время ныне такое, многих сильных людей смололо. Кто в гордыне смерть нашел, кто погряз в скверне. И я ведь, грешный… Но все от Бога, все от Спасителя, – надеюсь отмолить и твой грех, и свои грехи. Будь честен в служении людям, но не себе…

2 сентября 1924 г. А.М. Василевский назначается начальником дивизионной школы младшего командного состава. Вскоре он неожиданно получил вызов в Военную академию РККА для сдачи вступительных экзаменов. Считая себя неподготовленным для учебы в академии, Александр Михайлович добился того, что его еще до сдачи экзаменов вернули обратно в часть. С декабря, после расформирования дивизионной школы, Василевский командует 143-м стрелковым полком. Вскоре у него родился сын Юрий.

В октябре 1925 г. А.М. Василевский все-таки был направлен на учебу на курсы «Выстрел». После их окончания в августе следующего года он вернулся в свой полк, который под его руководством неизменно был в числе передовых частей. В ноябре 1928 г. 48-ю стрелковую дивизию проверял новый командующий войсками Московского военного округа 32-летний И.П. Уборевич (Уборявичус). Он обратил внимание на энергичного командира 143-го стрелкового полка. *«Хорошо дисциплинирован и воински воспитан, – отмечалось в аттестации на Василевского за 1928 год. – Спокойный, положительный и глубоко вдумчивый человек. В служебной деятельности проявляет достаточную настойчивость и разумную инициативу. Обладает большой работоспособностью и выдержкой. Пользуется вполне заслуженным авторитетом. Военная подготовка хорошая. Хорошо знает тактику, стрелковое дело и хозяйство части. Политически развит удовлетворительно. Взаимоотношения с комиссаром полка нормальные. Должности командира полка вполне соответствует. Заслуживает продвижения в очередном порядке на должность начштадива стрелковой»*[2].

Уборевич решил использовать деловые качества Василевского для восстановления боеспособности 144-го стрелкового полка, располагавшегося в Вышнем Волочке. Это едва не привело к конфликту между ним и Александром Михайловичем. Полк считался наиболее слабым и по дисциплине, и по подготовке. *«Перевод поразил не только меня, но и весь руководящий состав 143-го полка, – вспоминал Василевский. – Не скрою, воспринял я его с обидой. Во-первых, потому, что мне крайне не хотелось покидать 143-й Краснознаменный полк, считавшийся лучшим в дивизии (за четыре года командования в это было вложено немало и моего труда). Нелегко было расставаться с командно-политическим составом и парторганизацией полка, с которыми у меня установились отличные взаимоотношения. И еще одно немаловажное обстоятельство беспокоило меня: именно в 143-м полку я собирался осуществить мою давнюю заветную мечту – вступить в Коммунистическую партию. Перевод в новую часть неизбежно заставлял отложить это решение на неопределенное время».*

А.М. Василевский по рекомендации командира и военкома дивизии И.Ф. Максимова выехал в штаб округа. Уборевич встретил Александра Михайловича радушно, расспросил

[2] Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы) / Сост. В. А. Афанасьев, А.Н. Пономарев. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2008. С. 25.

о здоровье, о семье и о планах на будущее. Василевский рассказал, ничего не утаивая, в том числе, что собирался вступить в партию большевиков.

– Вот вы сказали, что хотите, и, на мой взгляд, вполне достойны того, чтобы вступить в ряды партии, – говорил Уборевич. – Но что же получается? Вопрос о вашем переводе в 144-й стрелковый полк является сугубо партийным делом. Его поставила партийная организация дивизии, и она вместе с командованием была уверена, что вы, опираясь на партийную организацию полка, сможете вывести его из отстающих. Партийная организация в полку крепкая. Ей необходим лишь хорошо подготовленный, опытный в военном отношении командир. Вы свое дело знаете, любите его. Я уверен, что эта задача в тех условиях, в которых вам придется трудиться, выполнима. С другой стороны, именно ваша серьезная работа в прошлом заставляет меня, как и вашего комдива, отнестись к вашим претензиям внимательно. Так вот, если вы продолжаете настаивать на том, чтобы остаться в 143-м полку, я готов просить народного комиссара об отмене приказа. Дело теперь за вами.

Василевский, выслушав командующего, сказал:

– Я прошу извинения за непростительно отнятое у вас время, товарищ командующий. Разрешите немедленно отправиться к месту новой службы. Заверяю вас, что сделаю все от меня зависящее, чтобы оправдать доверие партии и командования.

В декабре 1928 г. А.М. Василевский вступил в командование 144-м стрелковым полком. Он сдержал слово, данное Уборевичу. Под руководством Александра Михайловича полк постепенно выбирался из разряда отстающих. Осенью 1930 г. он на маневрах войск Московского военного округа получил отличную оценку. На перспективного командира обратил внимание начальник Оперативного управления – заместитель начальника Штаба РККА В.К. Триандафиллов.

– Товарищ Василевский, в интересах дела в ближайшее время вы будете переведены на работу в центральный аппарат наркомата по военным и морским делам, – сказал Владимир Кириакович.

Казалось бы, лестное предложение для любого командира полка? Но, Василевский, верный своей привычке не спешить при рассмотрении серьезных вопросов, ответил:

– Владимир Кириакович, я прошу вас оставить меня в 48-й стрелковой дивизии.

Однако Триандафиллов считал вопрос уже решенным. 1 февраля 1931 г. приказом № 222 РВС СССР Василевский был назначен помощником начальника 2-го отдела Управления боевой подготовки РККА.

Прежде чем продолжить наш рассказ о работе Василевского в этом управлении, отметим, что в августе исполнилась его мечта стать кандидатом в члены ВКП(б). В этом качестве находился почти семь лет, так как в связи с партийными чистками по решению ЦК ВКП(б) прием в партию до конца 1936 г. был прекращен. И лишь в марте 1938 г. на открытом партийном собрании Генштаба РККА Александр Михайлович был переведен в члены партии. Это решение утвердила партийная комиссия Политуправления РККА.

В Управлении боевой подготовки А.М. Василевский познакомился с помощником инспектора кавалерии Красной Армии, будущим Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. *«Инспекция кавалерии РККА работала в тесном контакте с Управлением боевой подготовки Красной Армии, – вспоминал Георгий Константинович. – Там я впервые познакомился с Александром Михайловичем Василевским, с которым нас в годы Великой Отечественной войны объединяла совместная работа на фронтах в качестве представителей Ставки Верховного Главнокомандования. Уже тогда Александр Михайлович превосходно знал свое дело, так как долгое время командовал полком и досконально изучил специфику боевой подготовки. В управлении к нему относились с большим уважением»*[3].

[3] Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Новости,

О том, какой объем работы приходилось выполнять Василевскому, наглядное представление дает аттестация от 27 июня 1932 г. В ней отмечалось:

«В занимаемой должности один год. За это время проявил себя как командир с большими организационно-методическими навыками в области подготовки начсостава и бойца; быстро схватывающего обстановку; напористого, гибкого тактика; способного военно-научного работника; четкого, аккуратного, исполнительного, быстрого и точного, не нуждающегося в подталкивании штабного работника; хорошего стрелка из всех видов стрелкового оружия. Тов. Василевский отлично справляется с техническим редактированием ["Бюллетеня боевой подготовки "], научным редактированием [журнала "Военный вестник'], с большой тщательностью прорабатывая материал, проявляя необходимое критическое чутье. На военных играх т. Василевский проявляет гибкость в оценке обстановки, осторожность в принятии решения, быстроту и решительность в проведении решения в жизнь. Вполне владеет командным языком, четко и быстро формулирует устные и письменные распоряжения. Лично сам проводит занятия с большой почтительностью и тактом. Отличительной особенностью в работе т. Василевского является вдумчивость, быстрота, точность и своевременность. За порученное т. Василевскому дело н[ачальни]кможет быть спокоен как в отношении качества, так и срока. Скромный в личной жизни, тактичный, хороший товарищ, настойчивый и напористый в работе – таковы личные качества т. Василевского. Кандидат партии, активный общественник. Много работает над расширением своего военно-тактического кругозора. До назначения в штаб УБП командовал блет полком. Занимаемой должности вполне соответствует. Достоин продвижения на должность н[ачальни]ка штаба корпуса – командира дивизии в очередном порядке»[4].

В Управлении боевой подготовки Василевский проработал почти четыре года. По просьбе командующего войсками Приволжского военного округа И.Ф. Федько его в числе других опытных командиров перевели в штаб округа. Это версия Василевского. Но, как пишет А.М. Золототрубов, причина была иная. В 1933 г. у Александра Михайловича появилась новая возлюбленная, Екатерина Васильевна Сабурова, работавшая в наркомате обороны. Она родилась в Астрахани в семье врача. Ее отец умер в 1919 г., а мать – двадцать лет спустя. Роман с Сабуровой послужил причиной развода Василевского в 1934 г. с первой женой[5]. По решению начальника Штаба РККА разобраться в этом деле предстояло Жукову. И, видать, не без его содействия, Александра Михайловича приказом наркома обороны от 20 декабря 1934 г. назначили начальником 2-го отдела (боевой подготовки) штаба Приволжского военного округа.

В 1936 г. А.М. Василевскому было присвоено воинское звание полковника. Тогда же в его карьере произошел новый поворот – он и начальник оперативного отдела штаба Приволжского военного округа полковник С.Г. Трофименко приказом наркома обороны от 11 ноября были зачислены слушателями первого набора в созданную по решению ЦК ВКП(б) Академию Генерального штаба. Всего на учебу направили 137 человек, в их числе будущие начальник Генерального штаба А.И. Антонов, командующие фронтами И.Х. Баграмян, Н.Ф. Ватутин, Л.А. Говоров и П.А. Курочкин, начальники штабов фронтов М.В. Захаров, М.И. Казаков, В.Е. Климовских, В.В. Курасов, Г.К. Маландин, А.П. Покровский, Л.М. Сандалов и др.

Учеба в академии была непродолжительной. Вот что писал по этому поводу в своих мемуарах «Дело всей жизни» Василевский: *«Одной из причин этого явились имевшие место*

1990. Т. 1. С. 176.

[4] Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 45–47.

[5] См. подробнее: *Золототрубов А.М.* Василевский: Жезл маршала. М.: Астрель; АСТ, 2002. С. 53–54.

в стране, в том числе и в Вооруженных Силах, нарушения ленинских норм партийной и государственной жизни и социалистической законности, совершенно необоснованные репрессии, в результате которых часть командно-политического и особенно руководящего состава Вооруженных Сил, преподавателей и слушателей академий была арестована. В связи с этим в Вооруженных Силах последовала серия быстрых назначений и перемещений. Свыше 30 слушателей нашей Академии первого набора были направлены на различные, порою довольно высокие командные и штабные должности. Продолжала учение лишь половина, а окончила его – четверть набора».

А.М. Василевский весьма скромно, не драматизируя, оценивает репрессии, захлестнувшие армию и флот. Всего в июне – ноябре 1937 г. армия потеряла не в бою, а по злой воле Сталина и его приближенных 15 140 командиров и политработников, в том числе 5 командующих войсками военных округов, 22 командира корпуса, 70 командиров дивизий и бригад[6].

В своих мемуарах А.М. Василевский не говорит о том, подвергался ли он аресту или преследованию. По свидетельству его адъютанта полковника М.И. Сорокина, тучи сгущались и над Василевским. Но кто-то его предупредил. Он обратился к Б.М. Шапошникову, которого знал с 1927 г., когда он командовал войсками Московского военного округа. Шапошников пошел к Сталину и решительно воспротивился наговорам на любимого ученика[7].

Племянник маршала Василевского Наркисс Евхаритский объяснял писателю П.Ф. Белову ту же историю по-другому:

– Полковник Сорокин мог и не знать, при каких обстоятельствах Шапошников спас дядю Шуру. А может, и знал, да не хотел говорить… Но версия, что кто-то предупредил Александра Михайловича о готовящемся аресте, доверия не вызывает. Такие смельчаки были редки. Дядя Шура, скорее всего, в застенках побывал. Однажды Шапошников позвонил его жене Екатерине Васильевне и спросил, где муж. «Уехал на работу». Однако в Генштаб Василевский не явился и назавтра. Тогда Борис Михайлович пошел к Сталину…

Где три дня пропадал Василевский, так и остается загадкой? Но зато достоверно известно, что временно руководивший Академией Генштаба комбриг Я.М. Жигур приказал ему принять кафедру тыла. *«Назначение для меня было совершенно непонятно, так как я в данной области специально никогда не работал, – вспоминал Александр Михайлович. – Однако мне было сообщено, что назначение сделано по представлению прежнего командования Академии и уже санкционировано начальником Генерального штаба. Таким образом, я волею судеб оказался вдруг в роли не только преподавателя, но и начальника кафедры такого ответственного учебного заведения, как Академия Генерального штаба».* Добавим, что в то время Генштаб возглавлял Шапошников, который и в дальнейшем будет помогать Василевскому[8].

В новой должности Василевский пробыл недолго. В октябре 1937 г. его вызвал на беседу Шапошников.

– Садитесь, голубчик, – сказал Борис Михайлович. – Я вас немного знаю по Московскому военному округу, когда вы полком командовали. А теперь вот познакомился с аттестациями на вас как оперативного работника в штабе Приволжского военного округа. Это очень важное сочетание: опытный строевой командир и оператор. Хочу предложить вам перейти в Генштаб, возглавить отдел оперативной подготовки высшего комсостава. Как смотрите на это?

---

[6] См.: Репрессии в Красной армии (30-е годы): Сборник документов из фондов Российского государственного военного архива. Наполи, 1996. С. 304, 306.

[7] Подробнее см.: *Белов* 77. Маршал Василевский: Честь и верность. Иваново: Ивановская газета, 1995.

[8] 11 декабря 1938 г. приказом № 2585 наркома обороны СССР А.М. Василевскому были присвоены все права окончившего Академию Генерального штаба РККА.

– Я, хотя и знаком с оперативной работой, но в иных, значительно меньших, масштабах. По плечу ли новое назначение?

– Это хорошо, что вы стремитесь объективно соизмерять свои силы, – заметил Шапошников. – Что касается масштабов, то они неизбежно должны раздвигаться по мере роста самого работника. Думаю, общими усилиями мы справимся со всеми делами, хотя дел действительно много. Пугать вас не хочу, но и правды скрывать не стану: работать придется до изнеможения…

Шапошников свое слово сдержал. Василевский порою действительно работал до изнеможения. Но это зависело не от начальника Генштаба, а от сложившейся в мире военно-политической обстановки, когда на исходе 30-х годов уже явственно ощущалось ледяное дыхание новой войны. На Василевского возлагалась разработка проектов приказов и директив наркома обороны и начальника Генштаба по боевой и оперативной подготовке, по материалам проверки войск и др. Во время боевых действий в районе озера Хасан в июле – августе 1938 г. он дежурил у телеграфного аппарата, в комнате, оборудованной для этой цели напротив кабинета наркома обороны. В феврале 1939 г. Александр Михайлович, оставаясь начальником отделения оперативной подготовки, был назначен по совместительству врио помощника начальника 1-го отдела Генштаба, он же начальник 6-го отделения. В июне его избавили от приставки «врио». В новом качестве участвовал в планировании и обеспечении руководства боевыми действиями на реке Халхин-Гол, во время похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, а также в Советско-финляндской войне.

В феврале 1940 г. в военной карьере А.М. Василевского произошел еще один поворот. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б), на котором он присутствовал, по докладу начальника Генштаба был принят ряд оперативных и срочных решений. Шапошников поручил Александру Михайловичу немедленно отправиться в Генштаб, чтобы отдать там все распоряжения, связанные с этими решениями. Вскоре Василевскому позвонил А.Н. Поскребышев, секретарь Сталина, и сообщил, что его ждут в Кремле к обеду. Быстро закончив дела, Василевский через несколько минут уже сидел рядом с Борисом Михайловичем за обеденным столом. Один из очередных тостов Сталин предложил за здоровье Василевского, и вслед за этим задал неожиданный вопрос:

– Почему по окончании семинарии вы не пошли в попы?

Василевский, несколько смутившись, ответил:

– Товарищ Сталин, ни я, ни мой отец не имели такого желания. Никто из моих братьев не стал священником.

На это Сталин, улыбаясь в усы, заметил:

– Так, так. Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймем до сих пор.

Беседа на этом не кончилась.

– Скажите, пожалуйста, – продолжил Иосиф Виссарионович, – почему вы, да и ваши братья, совершенно не помогаете материально отцу? Насколько мне известно, один ваш брат – ветеринарный врач, другой – агроном, третий – командир, летчик и обеспеченный человек. Я думаю, что все вы могли бы помогать родителям, тогда бы старик не сейчас, а давным-давно бросил бы свою церковь. Она была нужна ему, чтобы как-то существовать.

– Я с двадцать шестого года порвал всякую связь с родителями[9]. Если бы поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах партии большевиков, но едва ли бы служил в рядах Рабоче-Крестьянской армии и тем более в системе Генерального штаба. За несколько недель до этого впервые за многие годы я получил письмо от отца, о чем немед-

[9] В своей автобиографии А.М. Василевский, как уже отмечалось, писал, что «связь с родителями личная и письменная утрачена с 1924 года».

ленно доложил секретарю партийной организации, который потребовал от меня и впредь сохранять во взаимоотношениях с родителями прежний порядок.

Сталина и членов Политбюро, присутствовавших на обеде, этот факт удивил.

– Вам надо немедленно установить с родителями связь, – сказал Сталин, – оказывать им систематическую материальную помощь. Передайте это секретарю парторганизации Генштаба…

После окончания войны с Финляндией для демаркации новой государственной границы была создана смешанная комиссия, которую с советской стороны возглавил Василевский. Он, подводя итоги ее деятельности, отмечал: *«В конечном счете работа была признана удовлетворительной. Ее результаты вполне обеспечивали государственные интересы СССР и в то же время позволяли нам сохранять добрососедские отношения с Финляндией».*

В мае 1940 г. вместо К.Е. Ворошилова наркомом обороны был назначен С.К. Тимошенко. Тогда же по инициативе Шапошникова Василевский, которому месяцем ранее присвоили воинское звание комдива, стал заместителем начальника Оперативного управления Генштаба. Если Генеральный штаб являлся «мозгом армии», то Оперативное управление, которое возглавлял генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин, было «мозгом» Генштаба.

Одной из главнейших задач сотрудников Оперативного управления, в том числе Василевского, была разработка плана стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР[10]. Это был первый и бесценный опыт, который он приобрел в стратегическом звене управления.

В плане стратегического развертывания предусматривалось, что нападение на Советский Союз может ограничиться только его западными границами, но не исключалась возможность одновременного удара и со стороны Японии на Дальнем Востоке. Наиболее вероятным противником считалась Германия, на стороне которой могли выступить Италия, Финляндия,

Румыния, Венгрия и Турция. Иран и Афганистан, считалось, займут позицию вооруженного нейтралитета. Всего на западе и востоке СССР могло быть сосредоточено около 270 пехотных дивизий, 11 750 танков, 22 тыс. полевых орудий и до 16,4 тыс. самолетов. При этом Германия вместе с Финляндией, Румынией, Венгрией могли развернуть 233 дивизии, 10550 танков, до 18 тыс. полевых орудий и 13,9 тыс. самолетов[11].

Сосредоточение главных сил противника ожидалось к северу от устья реки Сан, а основной группировки его войск – в Восточной Пруссии. Главный удар мог быть нанесен в направлении на Ригу, Ковно (Каунас) и в дальнейшем на Двинск, Полоцк либо на Ковно, Вильно (Вильнюс), Минск. Одновременно не исключались удар силами другой группировки, развернутой по линии Ломжа, Брест в направлении Барановичей, а также высадка морских десантов в районе Либавы (Лиепая) и на побережье Эстонии. В случае выступления Финляндии на стороне Германии предполагалось, что финские войска при поддержке немецких дивизий нанесут удар по Ленинграду с северо-запада. На юге Польши ожидалось наступление вермахта с фронта Хелм, Томашув, Ярослав на Дубно и Броды в целях выхода в тыл львовской группировке Красной Армии и овладения Западной Украиной. Одновременно из районов Северной Румынии в направлении на Жмеринку возможен был переход в наступление румынской армии и немецких дивизий.

При изложенном варианте развертывание вооруженных сил Германии выглядело следующим образом. К северу от устья реки Сан (на рубеже Мемель, Седлец) ожидалось сосредоточение до 123 пехотных, 10 танковых дивизий, большей части авиации, а к югу от устья

---

[10] См. подробнее: *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989. С. 213–217.

[11] Италия и Турция не рассматривались прямыми противниками, поэтому их силы в расчет не включались.

реки Сан – до 50 пехотных и 5 танковых дивизий. Не исключалось, что для захвата Украины, а в дальнейшем и Кавказа, главные силы (110–120 пехотных дивизий, основная масса бронетанковой техники и авиации) будут сосредоточены к югу от устья реки Сан, в районе Седлец, Люблин, чтобы нанести удар на Киев, сопровождая его вспомогательными ударами из Восточной Пруссии. На севере могло быть сосредоточено 50–60 пехотных дивизий и некоторой части танков и самолетов.

В проекте плана подчеркивалось, что «основным наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий – с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан». Для полного развертывания войск Германии на западных границах Советского Союза потребуется 10–15 дней, а румынской армии (30 пехотных дивизий, в том числе 18 пехотных дивизий в районе Ботошани, Сучава) – 15–20 дней. На Дальнем Востоке Япония могла выставить против СССР и Монгольской Народной Республики до 39 пехотных дивизий, 2500 самолетов, 1200 танков и до 4000 орудий. Основные силы нацеливались на советское Приморье.

Действия противника на западных морских акваториях ожидались в трех районах. Немецкий и финский флоты могли сосредоточить свои силы главным образом в Балтийском и Баренцевом морях с задачей блокировать советские военно-морские базы на Балтике, высадить десанты в районе Либавы и захватить Моонзундский архипелаг, осуществить прорыв в Финский залив и заставить Балтийский флот отойти к востоку, крейсерскими операциями и действиями подводных лодок установить контроль над коммуникациями в Баренцевом море, блокировать порты Мурманска и Архангельска. Итальянский флот мог развернуть свои действия на Черном море.

«В данный период при необходимости стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на два фронта, – подчеркивалось в проекте плана, – необходимо считать основным фронтом Западный». Поэтому предлагалось основные силы Красной Армии сосредоточить к северу от Полесья. На Западном ТВД развернуть три фронта: на главном направлении – Северо-Западный и Западный, на юге – Юго-Западный. На Дальнем Востоке планировалось сосредоточить такое количество войск, которое полностью гарантировало бы там устойчивое положение. Эти задачи возлагались на Забайкальский, Дальневосточный фронты и Тихоокеанский флот. Для прикрытия и охраны северного и южного побережья, границ в Закавказье и Средней Азии выделялись минимальные силы.

Недостатком проекта плана стратегического развертывания было то, что в нем большое внимание придавалось Северо-Западному стратегическому направлению (в ущерб Центральному) и отсутствовали меры противодействия в случае нанесения противником главного удара на люблинско-киевском направлении.

15 августа 1940 г. приказом наркома обороны маршал Б.М. Шапошников «согласно его просьбы, ввиду слабого здоровья» был освобожден от занимаемой должности и назначен заместителем наркома обороны[12]. Генштаб возглавил генерал армии К. А. Мерецков. По его указанию Василевский, которому в июне было присвоено воинское звание генерал-майора, переработал план. 18 сентября он под названием «Соображения об основах стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940–1941 годы» был подписан маршалом Тимошенко и генералом армии Мерецковым и представлен на рассмотрение Сталину и Молотову[13]. План был исполнен в одном экземпляре лично Василевским и имел гриф «Особо важно. Совершенно секретно. Только лично».

---

[12] См.: Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 290.

[13] См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 24–29. (Доклад основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 г. от 18 сентября 1940 г.)

Какие же изменения внес в новый проект Василевский? Во-первых, ожидалось, что при войне на два фронта на границах Советского Союза будут сосредоточены значительно большие силы: около 280–290 дивизий, 30 тыс. полевых орудий средних и тяжелых калибров, 18 тыс. самолетов. Количество танков было прежним – 11 750. Во-вторых, была уточнена численность вермахта – 243 дивизии (из них 8 моторизованных, 15–17 танковых), 10 тыс. танков, от 14,2 тыс. до 15 тыс. самолетов. Количество полевых орудий осталось прежним – 20 тыс. В-третьих, была скорректирована общая численность сил, которые Германия вместе с Финляндией, Румынией и Венгрией могла развернуть на Западе – 253 пехотные дивизии, 15 100 самолетов. Численность танков не изменилась и составляла 10 550 боевых машин. В-четвертых, силы, которые могла сосредоточить Япония против СССР, также были уточнены: до 50 пехотных дивизий и 3 тыс. самолетов. Численность танков оставалась прежней – 1200 единиц. В-пятых, по-иному решался вопрос организации обороны на Западном ТВД. Главные силы Красной Армии предлагалось развернуть по двум вариантам: к югу или к северу от Брест-Литовска (Бреста). Окончательное же решение зависело от той политической обстановки, которая сложится непосредственно к началу войны. Однако основным считался первый вариант – развертывание главных сил Красной Армии к югу от Брест-Литовска. По мнению маршала Захарова, такое решение противоречило оценке предполагаемых намерений противника, приведенной в новом проекте.

Как и в предыдущем проекте, на Западе предлагалось развернуть три фронта – Северо-Западный, Западный и Юго-Западный. В составе Северо-Западного фронта (8-я, 11-я армии) намечалось иметь 17 стрелковых, 4 танковые, 2 мотострелковые дивизии, 2 танковые бригады и 20 авиационных полков. В Западный фронт (3, 10, 13,4-я армии) должны были входить 35 стрелковых, 3 танковые, одна мотострелковая и 4 кавалерийские дивизии, 4 танковые бригады и 39 авиационных полков. Наиболее мощным был Юго-Западный фронт (5, 19, 6, 12, 18, 9-я армии) – 69 стрелковых, 3 танковые, одна мотострелковая, 5 кавалерийских дивизий и 2 танковые бригады.

В основные задачи Северо-Западного фронта входили: оборона балтийского побережья и недопущение совместно с Балтийским флотом высадки морских десантов противника; прочное прикрытие минского и рижско-псковского направлений с целью не допустить вторжения вермахта на нашу территорию; овладение во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта районом города Сейны, Сувалки и выход на рубеж Шиткемен, Филипово, Рачки, чтобы обеспечить занятие 11-й армией более выгодного исходного положения для наступления; нанесение удара в общем направлении на Инстербург (ныне Черняховск), Алленштейн (Олынтын), чтобы совместно с Западным фронтом сковать противника в Восточной Пруссии.

Западному фронту предстояло: прочно прикрыть минское направление; нанести по сосредоточению войск одновременно с Северо-Западным фронтом удар в общем направлении на Алленштейн с целью сковать противника в Восточной Пруссии; оказать ударом левофланговой армии на Ивангород содействие Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки врага, а затем развивать наступление на Радом для обеспечения действий этого фронта с севера.

Для Юго-Западного фронта были определены следующие задачи: прочное прикрытие границы Бессарабии и Северной Буковины; нанесение по сосредоточению войск во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта решительного поражения люблин-сандомирской группировке противника и выход на реку Висла; нанесение в дальнейшем удара в направлениях на Кельце, Петроков (Петркув-Трыбунальски) и на Краков в целях овладения районом Кельце, Петроков и выхода на реку Пилица и верхнее течение реки Одер.

5 октября новый проект плана стратегического развертывания Тимошенко и Мерецков представили Сталину и Молотову. По свидетельству Василевского, Сталин считал, что

Германия в случае войны направит свои основные усилия на юго-запад, чтобы, прежде всего, захватить наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. Поэтому Сталин поручил Генштабу переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки Красной Армии на юго-западном направлении. Эту задачу генерал армии Мерецков возложил на генералов Г.К. Маландина, А.Ф. Анисова и А.М. Василевского.

14 октября план стратегического развертывания советских Вооруженных Сил, доработанный с учетом полученных замечаний, был утвержден правительством СССР[14]. Как мы увидим позже, в плане был ошибочно оценен возможный замысел Гитлера. Главный удар войска вермахта нанесли все-таки на западном направлении, а Красной Армии и народу Советского Союза пришлось заплатить слишком высокую цену за просчет наркома обороны, начальника Генштаба и Сталина.

В ноябре 1940 г. А.М. Василевский вместе с генералом В.М. Злобиным, состоявшим для особо важных поручений при наркоме обороны, в качестве военного эксперта советской правительственной делегации совершил поездку в Берлин. В Германии Злобин и Василевский посетили авиационный концерн «Мессершмитт». На военном аэродроме Темпельхоф осмотрели истребители Ме-109, самолеты многоцелевого назначения Ме-110, а затем ознакомились с бронетанковой техникой. Во время ее осмотра Василевский познакомился с Э. фон Манштейном, будущим генерал-фельдмаршалом и своим противником. Легкие танки Т-1 и Т-2 особого впечатления на Злобина и Василевского не произвели. В то же время они с интересом выслушали сообщение о формировании ударных танковых групп, прототипа танковых армий, о создании которых мечтали теоретики Красной Армии.

Как известно, переговоры главы советской делегации В.М. Молотова с руководством Германии не привели к успеху. Это послужило для А. Гитлера одним из поводов для форсирования подготовки войны против Советского Союза. В Генеральном штабе сухопутных войск вермахта с 29 ноября по 7 декабря 1940 г. была проведена военная игра под руководством будущего противника А.М. Василевского, первого оберквартирмейстера генерал-майора Ф. Паулюса с целью проверки проекта плана войны с Советским Союзом. На первом этапе разыгрывалось вторжение вермахта в приграничную полосу СССР, проводилось «обсуждение оперативных возможностей после достижения первой оперативной цели»[15].

На втором этапе отрабатывались действия германских войск при их наступлении до рубежа Минск, Киев, а на третьем – за этим рубежом[16]. Результаты игры были обсуждены 13 декабря с высшим командным составом и учтены в окончательном варианте плана нападения на СССР.

18 декабря Гитлер подписал директиву № 21 под условным наименованием вариант «Барбаросса» («Barbarossa Fall»)[17]. В ней вооруженным силам Германии ставилась задача «разгромить Советскую Россию в ходе одной кратковременной кампании». Замысел состоял в том, чтобы быстрыми и глубокими ударами мощных подвижных группировок севернее и южнее Припятских болот расколоть фронт главных сил Красной Армии, сосредоточенных в западной части России, и, используя этот прорыв, уничтожить ее разобщенные группировки западнее линии Западная Двина, Днепр, не допустив их отхода вглубь страны. В дальнейшем овладеть главными стратегическими объектами – Москвой, Ленинградом, Центральным промышленным районом, Донбассом и выйти на линию Архангельск, Волга, Астрахань, где создать «заградительный барьер против азиатской России».

---

[14] См.: *Горьков Ю.А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 57.

[15] Paulus. Ich stehe hier auf Befehl! Frankfurt am Main, 1960. S. 199.

[16] См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1962. Т. 2. С. 267, 271, 287.

[17] См.: Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987. С. 42–46.

По указанию Гитлера генерал-фельдмаршал В. Кейтель 15 февраля 1941 г. подписал специальную «Директиву по дезинформации противника». Пропаганда целиком обрушилась на Англию и прекратила свои обычные выпады против Советского Союза.

А.М. Василевский, вернувшись в Москву, включился в подготовку совещания высшего командного состава Красной Армии, намеченного на конец декабря 1940 г., а также оперативно-стратегических военных игр, которые предстояло провести в начале января следующего года. К сожалению, ему не суждено было принять участие в этих мероприятиях, так как в конце ноября он серьезно заболел. Врачи поставили диагноз – крупозное воспаление легких.

О том, как работал А.М. Василевский, свидетельствует аттестация за 1938–1940 гг., подписанная генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным:

«Тов. Василевский А.М. – преданный делу партии Ленина – Сталина и социалистической Родине командир. Серьезные правительственные задания выполнял хорошо. Всесторонне развитый и хорошо подготовленный в оперативном отношении командир, твердо знающий службу Генерального штаба. Наряду с этим хорошо знает боевую подготовку войск и подготовку войсковых штабов. Обладает высокоразвитым чувством ответственности за порученное дело. Дисциплинирован и исполнителен. К подчиненным внимателен и пользуется среди них авторитетом, как опытный, примерный командир, помогающий в работе своим подчиненным. Над собой работает. Обладая широким кругозором, в обстановке большого масштаба разбирается хорошо. Работает вдумчиво и внимательно. Военную тайну хранить может. Ценный оперативный работник. Состояние здоровья требует должного внимания к нему со стороны санитарной службы и правильного режима на служебной работе. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть начальником штаба особого округа, а в военное время – начальником штаба фронта»[18].

Из госпиталя Василевский выписался в начале февраля 1941 г. Теперь ему предстояло работать под руководством своего старого знакомого, генерала армии Жукова, сменившего по решению Сталина генерала армии Мерецкова на посту начальника Генерального штаба. 11 марта Василевский представил новому начальнику Генштаба доработанный проект плана стратегического развертывания Вооруженных Сил[19].

Что же нового внес Василевский в план по сравнению с предыдущим вариантом? Во-первых, считалось, что Германия имела развернутыми значительно больше дивизий – 260, в том числе 20 танковых и 15 моторизованных. Во-вторых, была уточнена численность сил, которые Германия вместе с Финляндией, Румынией и Венгрией могла развернуть на западных границах СССР, – 268 дивизий, 20 050 орудий, 10 810 танков и 11 600 самолетов. В-третьих, корректировке подверглось количество сил, которые могла выставить на Востоке Япония вместе с Маньчжоу-Го, – до 60 пехотных и одна кавалерийская дивизии, 27 смешанных и 6 кавалерийских бригад, 850 тяжелых орудий. Численность танков и самолетов оставалась прежней. В-четвертых, на Западе и финском фронте предусматривалось сосредоточить значительно больше сил Красной Армии: 171 стрелковую, 27 мотострелковых, 54 танковых и 7 кавалерийских дивизий, 2 отдельные стрелковые бригады и 253 авиационных полка. В остальном в новом проекте плана содержались прежние оценки о возможности развертывания главных сил Германии на юго-востоке от Седлеца до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину. Вспомогательный удар, как и ранее, ожидался на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу. Но не исключались и концентрические удары противника со стороны Сувалки и Бреста на Волковысск, Барановичи.

---

[18] Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). *С. 11.*

[19] См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 18–22.

Василевский, оценивая впоследствии план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР, отмечал, что он предусматривал начало военных действий с отражения ударов нападающего врага. При этом развернутся крупные воздушные сражения, в ходе которых противник постарается обезвредить советские аэродромы, ослабить войсковые, и особенно танковые, группировки, подорвать тыловые войсковые объекты, а также нанести ущерб железнодорожным станциям и прифронтовым крупным городам. В свою очередь, командование Красной Армии намечало силами всей авиации нанести по врагу решительные удары с воздуха и сорвать его попытки завоевать господство в воздухе. Одновременно ожидалось нападение на границы СССР наземных войск с крупными танковыми группировками, натиск которых предстояло сдержать стрелковым войскам и укрепрайонам приграничных военных округов совместно с пограничными войсками. Механизированным корпусам, опирающимся на противотанковые рубежи, предстояло своими контрударами при поддержке стрелковых войск ликвидировать вклинившиеся в оборону вражеские группировки и создать благоприятную обстановку для перехода Красной Армии в решительное наступление. К началу наступления противника предусматривался выход на территорию приграничных округов войск, подаваемых из глубины СССР. В плане предполагалось, что войска Красной Армии вступят в войну во всех случаях полностью изготовившимися, а отмобилизование и сосредоточение войск будет произведено заблаговременно.

И.В. Сталин по линии Главного разведывательного управления и наркомата государственной безопасности получал информацию о замыслах вероятного противника. В ряде случаев она была близка к истине, иногда даже называлась точная дата нападения нацистской Германии на Советский Союз – 22 июня 1941 г. Однако Сталин, как свидетельствуют многие источники, не доверял этой информации. Кроме того, она не доводилась до такого главного потребителя, как Генштаб.

Несмотря на это, нарком обороны, начальник Генштаба, командующие приграничными военными округами проводили в жизнь некоторые мероприятия согласно плану стратегического развертывания Вооруженных Сил. Они не всегда находили поддержку Сталина, под давлением которого приходилось идти на попятную, отменять те или иные решения, что наносило вред делу повышения боевой готовности войск Красной Армии.

Мы не будем подробно перечислять все мероприятия, которые удалось провести в жизнь, а расскажем только о некоторых из них. Так, 10 апреля по указанию начальника Генштаба генерал Василевский подготовил директиву по оперативному развертыванию войск приграничных военных округов в соответствии с планом стратегического развертывания. В документе говорилось: *«Основные задачи: с переходом в наступление ЮЗФ* (Юго-Западный фронт. *– Авт.) – ударом левого крыла Западного фронта в общем направлении на Седлец – Радом наступать с ЮЗФ, разбить люблинско-радомскую группировку противника. Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла. Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»*[20]. Таким образом, по-прежнему исходили из устоявшейся стратегической аксиомы: а) главная угроза – на юго-западном направлении; б) наносим противнику встречный удар, немедленно переходим в контрнаступление и громим вражеские группировки.

Во второй половине апреля для усиления западных приграничных военных округов началось формирование 10 артиллерийских противотанковых бригад РГК и 4 воздушно-десантных корпусов. 26 апреля военным советам Забайкальского и Дальневосточного военных округов было предписано подготовить к отправке на запад один механизированный, два стрелковых корпуса и две воздушно-десантные дивизии. Одновре-

[20] Цит. по: *Анфилов В.А.* Грозное лето 41 года. М.: Анкил-Воин, 1995. С. 64.

менно директивой Генштаба ставится задача перевести к 1 июля 1941 г. авиационный тыл ВВС на новую систему и организовать новые районы авиационного базирования[21].

Сталин, не веря в возможность нападения нацистской Германии на СССР в ближайшее время, 5 мая на торжественном собрании, посвященном выпуску командиров, окончивших военные академии и военные факультеты гражданских вузов, заявил о необходимости от обороны перейти к военной политике наступательных действий[22]. Но о каком наступлении, могла идти речь, если даже к обороне по-настоящему не успели подготовиться?

Все действия политического и военного руководства Советского Союза говорят о том, что они, с одной стороны, были направлены на то, чтобы подготовиться к отражению возможной агрессии, а с другой – не дать повода для обвинения СССР в нагнетании напряженности на западной границе. Так, 8 мая ТАСС опроверг слухи о сосредоточении войск Красной

Армии на западных границах. На следующий день СССР разорвал дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Бельгии, Норвегии и Югославии, а 12 мая признал прогерманский режим в Ираке. 13 мая Генштаб направил директиву округам о начале выдвижения на запад с Урала в район Великих Лук 22-й армии, из Приволжского военного округа в район Гомеля – 21-й армии, из Северо-Кавказского военного округа в район Белой Церкви – 19-й армии, из Харьковского военного округа на рубеж Западной Двины – 25-го стрелкового корпуса, а из Забайкалья в район Шепетовки – 16-й армии. Всего в мае из внутренних военных округов на запад перебрасывались 28 стрелковых дивизий и 4 армейских управления. Однако дивизии насчитывали по 8–9 тыс. человек и не располагали полностью предусмотренной по штату боевой техникой.

14 мая нарком обороны потребовал от командующих приграничными военными округами «с целью прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск» разработать детальные планы обороны государственной границы, противодесантной и противовоздушной обороны[23]. Западный Особый военный округ должен был разработать эти планы к 20 мая, Ленинградский и Киевский Особый – к 25 мая, Прибалтийский Особый – к 30 мая.

Генерал армии Жуков, считая необходимым иметь план, в котором предусматривалось нанесение упреждающего удара по возможному противнику, поручил генералу Василевскому доработать проект «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Такой документ был подготовлен к 15 мая[24]. Он был написан от руки Василевским, адресован председателю Совнаркома СССР и не подписан ни наркомом обороны, ни начальником Генштаба. С чем же это было связано? Ответ дает Василевский в своем неопубликованном интервью, датированном 1965 г.:

«Все стратегические решения высшего военного командования, на которых строился оперативный план (на 1940–1941 годы. *– Авт.), как полагали работники оперативного управления, были утверждены Советским правительством. Лично я приходил к такой мысли потому, что вместе с другим заместителем начальника оперативного управления тов. Анисовым в 1940 году дважды сопровождал, имея при себе оперативный план Воору-*

---

[21] РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 450. Л. 26.

[22] См.: *Сталин И.В.* «Современная армия – армия наступательная». Выступления И.В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий, май 1941 г. / Публ. подгот. Печенкин А.А. / Исторический архив. 1995. № 2. С. 23–31.

[23] См.: Конец глобальной лжи. Оперативные планы западных приграничных военных округов 1941 г. свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 2—15; № 3. С. 4—17; № 4. С. 2—17; № 5. С. 2—15; № 6. С. 2–7.

[24] См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 17–22. (Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза от 15 мая 1941 года.)

женных Сил, заместителя начальника Генштаба тов. Ватутина в Кремль, где этот план должен был докладываться Сталину… Никаких пометок в плане или указаний в дальнейшем о каких-либо поправках к нему в результате его рассмотрения мы не получали. Не было в плане и никаких виз, которые говорили бы о том, что план был принят или отвергнут, хотя продолжавшиеся работы над ним свидетельствовали о том, что, по-видимому, он получил одобрение. На основе принятых правительством и высшим военным командованием стратегических решений план большой войны на Западе был отработан Генштабом вместе с соответствующими подразделениями Наркомата обороны и командованием западных приграничных округов. Он был также увязан с мобилизационным планом Вооруженных

Сил. За несколько недель до нападения на нас фашистской Германии вся документация по окружным оперативным планам была передана командованию и штабам соответствующих округов»[25].

А.М. Василевский, человек с даром стратегического предвидения, сумел правильно определить намерение противника. В «Соображениях по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» отмечалось: *«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».*

В отличие от прежнего плана стратегического развертывания войскам определялись более активные задачи. Первая стратегическая цель действий Красной Армии состояла в разгроме главных сил вермахта, развертываемых южнее линии Брест, Демблин, и в выходе к 30-му дню операции севернее рубежа Остроленка, река Нарев, Ловичь, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц. Последующая стратегическая цель – перейти в наступление из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага в центре и на северном крыле германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача – разгром германской армии восточнее реки Висла и выход на краковском направлении на рубеж рек Нарев, Висла и овладение районом Катовице. Для решения этой задачи предусматривалось нанести: главный удар силами Юго-Западного фронта в направлении Краков, Катовице и отрезать Германию от ее южных союзников; вспомогательный удар левым крылом Западного фронта на Варшаву, Демблин с целью сковать варшавскую группировку и овладеть Варшавой, а также оказать содействие Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки. Кроме того, намечалось вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии, Румынии и быть готовыми к нанесению ударов против Румынии при благоприятной обстановке. Переход в наступление с рубежа Чишев, Людовлено планировалось осуществить силами 152 дивизий против 100 германских, а на других участках госграницы вести активную оборону.

Проект плана, разработанный Василевским по указанию Жукова, некоторые исследователи склонны оценивать как «агрессивный». О какой агрессии могла идти речь? Ведь Советский Союз не имел общей границы с Германией, войска которой находились как на территории, оккупированной ими в результате разгрома Польши, так и на территории союзников Германии. И Жуков, и Василевский в данном случае исходили из положений уставов, требовавших атаковать противника, где бы он ни находился. Однако Сталин не только отклонил предложение об упреждающем ударе, но и ответил категорическим отказом на просьбы

[25] Цит. по: *Горьков Ю.А.* Кремль. Ставка. Генштаб. С. 65–66.

Тимошенко и Жукова разрешить привести в боевую готовность войска приграничных округов, обвинив их в стремлении спровоцировать Германию на нападение, дать Гитлеру повод для агрессии.

И все-таки Сталин, был обеспокоен возможным нападением нацистской Германии и состоянием обороны страны.

24 мая на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в присутствии Тимошенко и Жукова он заявил:

– В ближайшее время мы подвергнемся внезапному нападению со стороны Германии!

Вечером Сталин провел совещание с руководящим составом наркомата обороны, командующими, членами военных советов и командующими ВВС приграничных военных округов. Основная идея совещания – возможность внезапного нападения Германии на Советский Союз[26].

В конце мая Генштаб дал указание командующим военными округами срочно приступить к подготовке командных пунктов. Одновременно начался призыв 793,5 тыс. военнообязанных запаса для укомплектования 21 дивизии приграничных округов, частей артиллерии, ПВО и укрепрайонов[27]. 4 июня Политбюро ЦК ВКП(б) постановило увеличить численность Красной Армии по мирному времени на 120 695 человек и по военному времени на 239 566 человек. 12 июня командующим приграничными военными округами было разрешено к 15 июня вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к госгранице.

14 июня в «Правде» публикуется сообщение ТАСС о том, что все слухи о намерениях Германии порвать пакт о ненападении и осуществить нападение на СССР лишены основания. *«Сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года является, с одной стороны, военно-политическим зондажем, который со всей очевидностью показал, что Германия держит курс на войну против СССР и угроза войны приближается, – отмечал впоследствии Василевский. – Это вытекало из гробового молчания фашистских главарей на запрос, обращенный к ним Советским правительством. С другой стороны, это заявление показывало стремление нашего правительства использовать всякую возможность, чтобы оттянуть начало войны, выиграть время для подготовки наших Вооруженных Сил к отражению агрессии. Таким образом, полагаю правильным считать, что сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года является свидетельством заботы партии и правительства о безопасности нашей страны и о ее жизненных интересах. О том, что это сообщение является внешнеполитической акцией, говорит продолжавшееся осуществление организационно-мобилизационных мероприятий, переброска на запад войсковых соединений, перевод ряда предприятий на выполнение военных заказов и т. д. У нас, работников Генерального штаба, как, естественно, и у других советских людей, сообщение ТАСС поначалу вызвало некоторое удивление. Но поскольку за ним не последовало никаких принципиально новых директивных указаний, стало ясно, что оно не относится ни к Вооруженным Силам, ни к стране в целом».*

Но есть и иные мнения. Сообщение ТАСС дезориентировало командиров Красной Армии и наряду с просчетами в оценке международной обстановки, роковым образом обернулось против Советского Союза.

Времени на то, чтобы подготовиться к отражению возможной агрессии, уже не было. 18 июня Сталин санкционирует передачу директивы Генштаба о приведении войск первого стратегического эшелона в полную боевую готовность. 19 июня командующий Киевским Особым военным округом получает указание наркома обороны о выводе к 22 июня управления фронта (Юго-Западного. – *Авт.)* в Тернополь. Командующему Прибалтийским Особым

---

[26] См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М.: Новый хронограф, 2010. С. 334–335.

[27] См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Воениздат, 1968. С. 250.

военным округом предписывалось разместить управление Северо-Западного фронта 22–23 июня в Паневежисе. Одновременно намечалось развернуть управление Западного фронта в Обуз-Лесне. В двухнедельный срок следовало отработать вопросы взаимодействия с флотом, к 1 июля провести мероприятия по маскировке аэродромов, складов, организовать к 5 июля в каждом районе авиационного базирования по 8—10 ложных аэродромов с макетами самолетов, к 15 июля завершить работы по маскировке артиллерийских и мотомеханизированных частей[28]. Флоты и флотилии получили предписание о переходе в оперативную готовность № 2.

Вечером 21 июня Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение о создании Южного фронта (9-я и 18-я армии), полевое управление которого формировалось на базе штаба Московского военного округа. Этим же решением Жукову поручалось руководство Южным и Юго-Западным фронтами, а Мерецкову – Северо-Западным фронтом. В 20 часов 50 минут по вызову Сталина в Кремль приехали Тимошенко и Жуков, имея с собой проект директивы о приведении войск в полную боевую готовность. По указанию Сталина она была тут же доработана и подписана Тимошенко, Жуковым и членом Главного военного совета Г.М. Маленковым. В директиве за № 1, адресованной военным советам Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого, Одесского военных округов и в копии – наркому Военно-Морского Флота, отмечалось, что 22–23 июня возможно внезапное нападение немцев с провокационной целью. Поэтому требовалось не поддаваться на провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно быть в полной боевой готовности, чтобы встретить возможный внезапный удар вермахта или его союзников. В ночь на 22 июня скрытно занять огневые точки укрепрайонов на госгранице, рассредоточить перед рассветом по полевым аэродромам и замаскировать авиацию, держать войска рассредоточенно и замаскированно. Наряду с этим привести в боевую готовность ПВО без дополнительного подъема приписного состава, подготовить мероприятия по затемнению городов и объектов[29].

В десять часов вечера 21 июня в Генштаб поступает сообщение начальника штаба Прибалтийского Особого военного округа генерала П.С. Кленова о завершении немцами строительства мостов через Неман и о занятии ими исходного положения для наступления[30]. Начальник штаба Западного Особого военного округа генерал В.Е. Климовских докладывает, что проволочные заграждения немцев, еще днем стоявшие вдоль границы, к вечеру сняты, а в лесу, расположенном недалеко от границы, слышен шум моторов. Начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал М. А. Пуркаев передает информацию перебежчика о выходе войск вермахта в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

В связи с тревожными сообщениями нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов пригласил германского посла графа Ф. фон Шуленбурга и заявил ему, что Германия без всякого на то основания с каждым днем ухудшает отношения с СССР. Немецкие самолеты продолжают вторгаться в ее воздушное пространство. Ходят упорные слухи о предстоящей войне между Советским Союзом и Германией. У правительства СССР есть все основания верить этому, потому что германское руководство никак не отреагировало на сообщение ТАСС от 14 июня. Фон Шуленбург обещал немедленно сообщить обо всех претензиях своему правительству, хотя отлично знал, что войска вермахта приведены в полную боевую готовность и ждут сигнала на наступление.

---

[28] См.: Дни войны в документах // Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 43.

[29] См.: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 370–371.

[30] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. Книга первая. Суровые испытания. М.: Издательство «Библиотека». «Мосгорархив», 1995. С. 99.

В 00 часов 30 минут 22 июня началась передача в зашифрованном виде директивы № 1 в округа. На ее расшифровку требовалось определенное время. А ведь была возможность передать в округа ранее установленный сигнал: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», что заняло бы всего несколько минут. В штаб Западного Особого военного округа директива поступила в ноль часов 45 минут. Через 15 минут командующий округом генерал армии Д.Г. Павлов доложил наркому обороны о непрерывном движении немецких мотомеханизированных колонн в Сувалкский выступ. Получив совет не паниковать, собрать утром штаб, а если будут отдельные провокации – позвонить, Павлов приказал командармам привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа, и даже недостроенные железобетонные укрепления. Командующие 3, 10 и 4-й армиями и ВВС округа доложили Павлову, что войска и авиация готовы к бою. В 2 часа 25 минут и 2 часа 35 минут директива, полученная из Москвы, была направлена в штабы армий.

В штаб Киевского Особого военного округа директива поступила в 1 час 45 минут, а в штабы армий – в 2 часа 35 минут. Однако приказы о приведении войск в боевую готовность в большинстве случаев были получены слишком поздно – до начала артиллерийской подготовки противника оставалась немногим более получаса. И только флот за 3–4 часа до начала войны был приведен в боевую готовность. Нарком ВМФ, предупрежденный Тимошенко, сразу же установленным паролем отдал соответствующие распоряжения.

А.М. Василевский в своих мемуарах попытался дать ответ на вопрос: почему Сталин, зная о явных признаках готовности Германии к войне с СССР, все же не дал согласия на своевременное приведение войск приграничных военных округов в боевую готовность? *«Само по себе приведение войск приграничной зоны в боевую готовность является чрезвычайным событием, и его нельзя рассматривать как нечто рядовое в жизни страны и в ее международном положении, – пишет Александр Михайлович. – Некоторые же читатели, не учитывая этого, считают, что, чем раньше были бы приведены Вооруженные Силы в боевую готовность, тем было бы лучше для нас, и дают резкие оценки Сталину за нежелание пойти на такой шаг еще при первых признаках агрессивных устремлений Германии. Сделан упрек и мне за то, что я, как они полагают, опустил критику в его адрес. Не буду подробно останавливаться на крайностях. Скажу лишь, что преждевременная боевая готовность Вооруженных Сил может принести не меньше вреда, чем запоздание с ней. От враждебной политики соседнего государства до войны нередко бывает дистанция огромного размера. Остановлюсь лишь на том случае, когда Сталин явно промедлил с принятием решения на переход армии и страны на полный режим военного времени. Так вот, считаю, что хотя мы и были еще не совсем готовы к войне, о чем я уже писал, но, если реально пришло время встретить ее, нужно было смело перешагнуть порог. И.В. Сталин не решался на это, исходя, конечно, из лучших побуждений. Но в результате несвоевременного приведения в боевую готовность Вооруженные Силы СССР вступили в схватку с агрессором в значительно менее выгодных условиях и были вынуждены с боями отходить в глубь страны. Не будет ошибочным сказать, что, если бы к тем огромным усилиям партии и народа, направленным на всемерное укрепление военного потенциала страны, добавить своевременное отмобилизование и развертывание Вооруженных Сил, перевод их полностью в боевое положение в приграничных округах, военные действия развернулись бы во многом подругому».*

Глава вторая
Главный оператор Красной Армии

Начало вторжения войск вермахта на территорию Советского Союза, по свидетельству участников Великой Отечественной войны, было неожиданным. В 3 часа 30 минут 22 июня 1941 г., согласно воспоминаниям Г.К. Жукова, он получил от начальника штаба Западного Особого военного округа первый доклад о налете авиации врага на города Белоруссии. В свою очередь, А.М. Василевский отмечал, что Генштабу только в 4 часа с минутами стало известно от оперативных органов окружных штабов о бомбардировке советских аэродромов и городов. Одновременно или несколько ранее эти данные стали известны руководству наркомата обороны и правительству СССР. К этому времени войска вермахта уже перешли в наступление.

Как это и планировалось ранее, руководство войсками в военное время должен был осуществлять нарком обороны вместе с Главным военным советом. Генерал армии Жуков около 4 часов утра по указанию наркома обороны позвонил И.В. Сталину, доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. Сталин, выслушав начальника Генштаба, сказал, чтобы он вместе с маршалом С.К. Тимошенко прибыл в Кремль. Несмотря на доклад наркома обороны о том, что противник бомбит города на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике, Сталин все еще допускал вероятность провокационного характера их действий. Молотов тут же позвонил в германское посольство. Там ответили, что фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Вскоре Молотов вернулся и сообщил, что правительство Германии объявило войну Советскому Союзу.

В 7 часов 15 минут по указанию Сталина члены Главного военного совета Тимошенко, Жуков и Маленков подписали директиву № 2, которая была адресована военным советам Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого, Одесского военных округов и в копии наркому ВМФ[31]. В директиве требовалось всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу переходить не разрешалось. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации на глубину германской территории до 100–150 км приказывалось уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск, а также Кёнигсберг и Мемель.

Об атмосфере, сложившейся в Генштабе в начале войны, свидетельствует А.М. Василевский. Основная нагрузка легла на Оперативное управление Генштаба. По образному выражению Александра Михайловича, оно «превратилось в некий улей, куда прилетавшие с линии фронта “пчелы” доставляли информацию, подлежащую немедленной обработке». Она поступала в зал заседаний, где операторы вели карты обстановки, передавали в войска указания, принимали новую информацию, писали справки и донесения. Группа операторов во главе с полковником В.В. Курасовым обобщала все эти материалы и готовила доклады в Ставку Тимошенко и Жуков, учитывая, что вооруженная борьба приобретает все более широкий размах, пришли к выводу, что один человек не в состоянии осуществлять руководство действующей армией. Об этом они в 9 часов утра доложили Сталину, предложив создать Ставку Главного Командования. Проект директивы к этому времени уже был разработан в Генштабе. Однако Сталин решения не принял, хотя прекрасно понимал, что те, кто

[31] См.: *Анфилов В.А.* Грозное лето 41 года. С. 135.

по долгу службы должен был руководить военными действиями, ни шагу не сделают без его разрешения. Так терялось самое драгоценное в той обстановке – время!

Задачи, определенные в директиве № 2 Главного военного совета, были нереальными. Большая часть стрелковых дивизий первого стратегического эшелона была расчленена противником, некоторые оказались в окружении. Механизированные корпуса, способные нанести ощутимые встречные удары, находились на большом удалении от участков прорыва противника. Авиация Красной Армии потеряла около 1200 самолетов, в том числе Западный Особый военный округ – 738 самолетов[32]. Ситуацию усугубляло и то, что Генштаб не имел точных разведывательных данных о противнике и характере его действий, так как связь со штабами фронтов часто прерывалась. Несмотря на это, первый заместитель начальника Генштаба генерал Ватутин, руководствуясь планом стратегического развертывания, подготовил директиву № 3 военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов. Эта директива была отправлена адресатам в 21 час 15 минут 22 июня за подписями Тимошенко, Жукова и Маленкова. В директиве ближайшей задачей войск на 23–24 июня ставилось: *«а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки; б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 А* (армий. – *Авт.) окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин»*[33]. В полосе от Балтийского моря до границы с Венгрией разрешались ее переход и действия, не считаясь с границей.

В целях оказания помощи командующим фронтами по указанию Сталина на Западный фронт были направлены маршалы Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик, а на Юго-Западный фронт – генерал армии Жуков. Таким образом, Генштаб второй день войны встретил без своего начальника. Вся нагрузка теперь легла на Ватутина, который согласовывал свои действия с Жуковым.

В подвале здания Генштаба было оборудовано бомбоубежище, но оно оказалось совершенно неприспособленным для работы сотрудников Генштаба. Поэтому было решено на ночь перебираться в помещение станции метро «Белорусская», где на одной половине перрона были оборудованы командный пункт и узел связи. Другая половина перрона, отгороженная от первой только фанерной перегородкой, с наступлением сумерек заполнялась жителями Москвы, в основном женщинами и детьми. Работать в таких условиях было не совсем удобно, а самое главное – при ежедневных сборах и переездах терялось драгоценное время, нарушался рабочий ритм.

После 9 часов утра 22 июня в Кремль были вызваны И.А. Серов и заместитель начальника одного из отделов Управления НКВД Д.Н. Шадрин, которые получили от И.В. Сталина, Л.П. Берии и В.М. Молотова указание «подобрать такое место, где можно было бы укрыться от бомбежки и работать». К 16 часам было выбрано здание № 33 на улице Кирова с подземным туннелем, выходящим непосредственно на перрон станции метро «Кировская»[34]. После осмотра членами Политбюро (кроме Сталина) на перроне в течение четырех суток были оборудованы рабочие кабинеты, благо здесь накануне войны было создано резервное сооружение Генштаба. Новое помещение осмотрел Сталин[35]. Поезда здесь уже не останав-

---

[32] См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. С. 259.

[33] Цит. по: *Краснов В.Г.* Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 189–191.

[34] См.: Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив, 1995. С. 727.

[35] См.: *Карпов В.В.* Генералиссимус. М.: Вече, 2007. Кн. 1. С. 338.

ливались. Перрон был отгорожен от путей высокой фанерной стеной. В одном его углу – узел связи, в другом – кабинет Сталина, рядом место для начальника Генштаба, а в середине – шеренги столиков для сотрудников Генштаба.

23 июня Сталин наконец-то принял предложение Тимошенко и Жукова о создании Ставки. Оно было оформлено протоколом № 34 Политбюро ЦК ВКП(б) в виде постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б). В документе говорилось:

«Создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе тт.: наркома обороны маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, маршала Ворошилова, маршала Буденного и наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова.

При Ставке организовать институт постоянных советников Ставки в составе тт.: маршала Кулика, маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова, Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса»[36].

Таким образом, юридически функциями Главнокомандующего был наделен нарком обороны. Однако без санкции Сталина он не имел права отдавать приказы действующей армии. Поэтому фактически Главнокомандующим был Сталин. Все это не только усложняло управление войсками, но и приводило к запоздалым решениям в быстро меняющейся обстановке на фронте.

Основным рабочим органом Ставки Главного командования (ГК) по стратегическому планированию и руководству вооруженной борьбой стал Генштаб. 24 июня на генерала Василевского и начальника Разведывательного управления генерала Голикова была возложена подготовка проектов правительственных сообщений о событиях на фронтах для Советского информационного бюро, созданного в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б). Кроме того, с конца июня Александру Михайловичу приходилось во исполнение приказаний наркома обороны, начальника Генштаба и его заместителей подписывать директивы Генштаба различного содержания.

30 июня в Генштабе произошла новая перетасовка кадров. Первый заместитель начальника Генштаба генерал Н.Ф. Ватутин был назначен начальником штаба Северо-

Западного фронта, а начальник Оперативного управления генерал Г.К. Маландин – начальником штаба Западного фронта. Его сменил генерал-лейтенант В.М. Злобин. Все это сказывалось на качестве работы Генштаба. *«В июньские и июльские дни 1941 года мне, как первому заместителю начальника Оперативного управления, приходилось не раз за сутки бывать у нового начальника Оперативного управления В.М. Злобина, – вспоминал Василевский. – Я его хорошо знал по учебе в Академии Генерального штаба и по совместной поездке в Германию в 1940 году. Это был очень способный, подготовленный, опытный и трудолюбивый, судя по прежней и последующей работе, командир, отличный штабист и хороший товарищ, пользовавшийся авторитетом в коллективе наркомата. Но когда я докладывал ему сведения, получаемые с фронта, и проекты предложений по ним от себя и работников управления, меня каждый раз поражало его спокойствие, казавшееся равнодушием ко всему происходящему».*

На фронтах события развивались следующим образом. Попытки войск Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов наспех организованными контрударами разгромить вклинившиеся группировки врага и перенести военные действия за пределы СССР успеха не имели. Положение усугубляли господство авиации противника в воздухе, потеря управления войсками на ряде направлений Ставкой, командующими фронтами и армиями.

---

[36] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военноисторические очерки. В четырех книгах. Книга первая. Суровые испытания. С. 103–104.

В результате приграничные сражения завершились крупным поражением войск Северо-Западного (его армии оказались расчлененными) и Западного (главные силы были окружены западнее Минска и в основном уничтожены) фронтов. Большие потери понес и Юго-Западный фронт, войска которого были вынуждены отойти на рубеж старой государственной границы СССР. Только Северный и Южный фронты сохранили большую часть своих основных сил.

Быстротечность военных действий, резкие изменения обстановки на громадном по протяженности фронте требовали оперативного, решительного и строго централизованного руководства. С этой целью по постановлению ГКО от 10 июля Ставка ГК преобразуется в Ставку Верховного Командования (ВК). В ее состав вошли: Сталин, Молотов, маршалы Тимошенко, Буденный, Ворошилов, Шапошников и генерал армии Жуков. Персональные функции членов Ставки юридически не были определены. Однако решающее слово принадлежало Сталину – Генеральному секретарю ЦК ВКП(б), Председателю ГКО и СНК СССР. Снова принимается половинчатое решение. Одновременно создаются Главные командования Северо-Западного (маршал Ворошилов), Западного (маршал Тимошенко) и Юго-Западного (маршал Буденный) направлений. 19 июля Сталин был назначен наркомом обороны.

По мере расширения масштабов вооруженной борьбы увеличились объем и содержание работы Генерального штаба, что потребовало уточнения его структуры и функций. 28 июля Государственный Комитет Обороны принимает постановление № 300, которое определяло организационную структуру и задачи Генштаба, место и роль его начальника в общей системе военного руководства[37]. Он получил право подписывать вместе с председателем Ставки приказы и директивы Ставки или отдавать распоряжения по ее указанию. Как заместитель наркома обороны и член Ставки начальник Генштаба объединял и координировал деятельность управлений наркоматов обороны и ВМФ, готовил заключение о соответствии решениям Ставки намечаемых ими оперативных и организационных мероприятий. В целях освобождения Генштаба от решения задач, не влиявших непосредственно на руководство военными действиями, из его состава были исключены пять управлений (организационное, мобилизационное, укомплектования войск, военных сообщений и автодорожное)[38].

Реорганизация Генштаба совпала с неожиданным для Василевского изменением его служебного положения. Оно напрямую было связано с отставкой генерала армии Жукова. 29 июля он, докладывая Сталину о сложившейся обстановке, предложил с целью спасения войск Юго-Западного фронта отвести их за Днепр и сдать Киев. Это предложение вызвало у Сталина ярость. Как можно додуматься сдать Киев! В свою очередь, Жуков тоже вспылил и попросил освободить его от обязанностей начальника Генштаба и послать на фронт. Эта просьба была удовлетворена. Жукова отправили командовать Резервным фронтом, а заместителя наркома обороны маршала Шапошникова снова поставили начальником Генштаба. Комментируя это решение, Василевский отмечал: *«Во главе всего штабного аппарата встал тот, кто в те месяцы мог, пожалуй, лучше, чем кто-либо, обеспечить бесперебойное и организованное его функционирование».*

По инициативе Шапошникова 1 августа Василевский получил назначение на должность начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генштаба. Генерал Злобин был переведен в Сибирский военный округ заместителем командующего по военно-учебным заведениям.

Итак, не прошло и полутора месяца с начала войны, как Василевский поднялся на новую ступень в военной иерархии. Причем он возглавил наиболее ответственный уча-

---

[37] См.: Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М.: Академический Проект, 2006. С. 205–206.

[38] См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 38–39.

сток работы в Генштабе, роль которого существенно возросла. 8 августа Ставка Верховного Командования была переименована в Ставку Верховного Главнокомандования (ВГК), а Сталин назначен Верховным Главнокомандующим. Под руководством Шапошникова на основе постановления ГКО от 28 июля было разработано Положение о Генеральном штабе, утвержденное 10 августа наркомом обороны Сталиным[39]. Согласно Положению Генеральный штаб Красной Армии стал центральным органом управления наркома обороны по подготовке и использованию Вооруженных Сил для обороны страны. В функции Генштаба входили: разработка директив и приказов Ставки по оперативному использованию Вооруженных Сил и планов войны на театрах военных действий; организация и руководство деятельностью всех видов разведки, обработка разведывательных данных и информация нижестоящих штабов и войск; руководство строительством укрепрайонов, военно-топографической службой и ее снабжение топографическими картами, оперативной подготовкой родов войск, штабов, служб и органов тыла; организация и устройство оперативного тыла действующей армии; разработка вопросов ПВО, положений о вождении армейских соединений, наставлений и руководств по штабной службе, издание описаний театров военных действий; сбор и обработка материалов по изучению боевого опыта, разработка приказов, директив и указаний по его использованию; организация и руководство шифровальной службой и обеспечение скрытого управления войсками.

В соответствии с новым Положением Генштаб включал шесть управлений (Оперативное, Разведывательное, устройства оперативного тыла, строительства укрепленных районов, Военно-топографическое и Шифровальное), три отдела (военно-исторический, общий, кадров) и группу офицеров Генштаба на правах отдела Генштаба. Развертывание на каждом из стратегических направлений по нескольку фронтов потребовало выделение на каждый фронт специальной группы операторов во главе с опытным начальником. Вместо отделов по направлениям (Северо-Западное, Западное и Юго-Западное) создаются направления на каждый фронт (группу фронтов). В ноябре 1941 г. под руководством Василевского была разработана специальная инструкция для начальников направлений Оперативного управления.

С целью обеспечения эффективной деятельности отделов, управлений и в целом Генштаба был определен порядок его круглосуточной работы. Об этом Сталину докладывал еще Жуков в бытность его начальником Генштаба. Распорядок дня Генштаба, привязанный к регламенту Верховного Главнокомандующего, был определен приказами № 0095 и № 006955 за подписью начальника Оперативного управления генерала Василевского[40]. Этот распорядок был одобрен Сталиным и никогда не нарушался.

Ставке ВГК (Сталину) доклады об оперативно-стратегической обстановке, отданных за ночь распоряжениях войскам фронтов, просьбах командующих представлялись три раза в сутки: с 10.00 до 11.00 и с 15.00 до 16.00 – заместитель начальника Генштаба (чаще всего начальник Оперативного управления), а с 21.00 до 3.00 – начальник Генштаба. К этому времени готовились карта стратегической обстановки (масштаб 1: 2500000) на 3–5 суток, карта оперативной обстановки (масштаб 1: 200000) каждого фронта на 2–3 суток, причем положение своих войск отображалось до дивизии включительно (а иногда до полка), боевые донесения каждого фронта. С этими документами начальник Генштаба следовал в Кремль для доклада Сталину. Кроме этого, распорядком дня предусматривались следующие вопросы: сообщения в Ставку ВГК – 4.00 и 16.00; начало рабочего дня – 7.00; подпись и доклад оперативной сводки – 8.00 и 20.00; сообщения в Совинформбюро – 8.30 и 20.30; оперативное ориентирование – 22.00–23.00; боевое донесение в Ставку – 23.00.

---

[39] См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С 389–390.

[40] См.: *Горьков Ю.А.* Кремль. Ставка. Генштаб. С. 132.

В распорядке дня Генштаба определялись продолжительность работы (17–18 часов) и времени отдыха его сотрудников (5–6 часов), увязанные с режимом деятельности Ставки ВГК и штабов фронтов. Время, место работы и отдыха начальника Генштаба и его заместителей были определены Сталиным лично. Василевскому отдых был установлен с 4 до 10 часов утра. Верховный не раз проверял, как выполняется его указание. Иногда он звонил в кабинет начальника Оперативного управления, и если Александр Михайлович отдыхал, то приказывал: «Василевского не будить», а что надо, выяснял у дежурного генерала. Случаи нарушения установленного порядка вызывали крайне серьезные и в высшей степени неприятные для Василевского разговоры. *«Разумеется, это не была мелкая опека, – пишет Александр Михайлович, – а вызывавшаяся обстановкой необходимость. Напряженнейшая работа, а порой и неумение организовать свое время, стремление взять на себя выполнение многих обязанностей зачастую заставляли ответственных работников забывать о сне. А это тоже не могло не сказаться на их работоспособности, а значит, и на деле. Иногда, возвратившись около четырех часов утра от Сталина, я, чтобы реализовать принятые в Ставке решения, обязан был дать исполнителям или фронтам необходимые указания. Порою это затягивалось далеко за четыре часа. Приходилось идти на хитрость. Я оставлял у кремлевского телефона за письменным столом адъютанта старшего лейтенанта А.И. Гриненко. На звонок Сталина он обязан был докладывать, что я до десяти часов отдыхаю. Как правило, в ответ слышалось “Хорошо ”».*

Василевский после назначения на новую должность сразу же окунулся в гущу событий. Теперь от его профессионализма во многом зависело, насколько решения, принимаемые Сталиным, соответствуют обстановке на фронтах. Ежедневно, а иногда и по нескольку раз в сутки Василевский вместе с Шапошниковым бывал в кабинете Сталина в Кремле. Со 2 августа Александр Михайлович все чаще подписывает директивы и приказы Генштаба, которые отдавались во исполнение приказов и указаний Ставки ВГК и начальника Генштаба.

С первых же шагов в новой должности А.М. Василевскому пришлось решать вопросы, связанные с обстановкой на юго-западном направлении. В половине третьего ночи 4 августа он по указанию Сталина вызвал к телеграфу командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса и члена военного совета Н.С. Хрущева. Верховный потребовал от них не допустить переправы врага на левый берег Днепра. Они заверили Сталина в том, что примут все меры к тому, чтобы выполнить эту задачу.

5 августа начальник штаба Юго-Западного направления генерал-майор А.П. Покровский передал Василевскому просьбу маршала Буденного разрешить отвести войска Южного фронта на линию реки Ингул. Об этом Василевский немедленно доложил Шапошникову, а тот, в свою очередь, Сталину.

Он приказал начальнику Генштаба и его заместителю сразу же прибыть в Ставку Сталин, выразив недовольство тем, что Буденный лично не переговорил с Василевским, не согласился с отводом войск Южного фронта на указанный рубеж. Командующему фронтом было приказано не позже 10 августа занять линию восточный берег Днестровского лимана до Беляевки, от Беляевки на Ротмистровку, Березовку, Вознесенск и далее на Кировоград, Чигирин. Одессу требовалось оборонять до последней возможности[41]. После этого Шапошников связался по прямому проводу с Буденным.

– Товарищ Сталин приказал мне передать, – сказал Борис Михайлович, – что он недоволен тем, что вы, намечая линию отвода, при которой отдается почти половина Украины, не подошли сами к аппарату переговорить с замначгенштаба товарищем Василевским. Хотя Василевский и вызывал Покровского, но имелось в виду, что вы сами хотите изложить вашу

[41] См.: Русский архив: Великая Отечественная: СтавкаВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 104.

точку зрения на поднятый вопрос. Ставка не может согласиться с предлагаемым вами рубежом отвода, и сейчас на ваше имя идет телеграмма особой важности.

Буденный, выслушав начальника Генштаба, вынужден был оправдываться:

– Я доложил свои соображения, исходя из реальной обстановки. Если Ставка находит их неубедительными, она меня может поправить. Я, конечно, извиняюсь перед Василевским, но считал, что начальник штаба главкома имеет право передать тот или иной документ непосредственно Василевскому. Я в это время был занят переговорами с командующим Южным фронтом.

Маршал Буденный, легендарный герой Гражданской войны, вынужден был оправдываться за невнимательное отношение к заместителю начальника Генштаба. Его слегка отчитали и дали понять, что указания Ставки следует выполнять неукоснительно.

Несмотря на все заверения командующих Юго-Западным направлением, Южным и Юго-Западным фронтами, противнику 6 августа удалось прорваться к окраинам Киева. 8 августа войска группы армий «Север» перешли в наступление на Ленинград. Одновременно 2-я армия и 2-я танковая группа развернули наступление против Центрального фронта, прикрывавшего брянское, гомельское и черниговское направления. В целях удобства управления войсками, действовавшими на брянском направлении, 14 августа создается Брянский фронт (13-я и 50-я армии) под командованием генерал-лейтенанта А.И. Еременко, которому предстояло разгромить 2-ю танковую группу.

Противник продолжал наращивать свои усилия. 15 августа он вынудил войска Южного фронта оставить Кривой Рог, а 17-го – Николаев. Армии Брянского фронта вели тяжелые оборонительные бои на конотопском и черниговском направлениях. С каждым часом нарастала угроза правому крылу Юго-Западного фронта и особенно его 5-й армии, продолжавшей оборонять Коростеньский укрепрайон. Однако Сталин 17 августа отклонил предложение Шапошникова и Василевского об отводе войск правого крыла Юго-Западного фронта на левый берег Днепра. Верховный был твердо уверен в том, что если Еременко и не разобьет 2-ю танковую группу, то, во всяком случае, задержит ее и не выпустит на юг.

Ошибка Сталина имела катастрофические последствия для Юго-Западного фронта. 18 августа соединения 2-й армии и 2-й танковой группы, повернув на юг, вышли к Стародубу, а 19-го – к Гомелю. После этого они продолжили стремительное наступление, создавая реальную угрозу правому флангу и тылу Юго-Западного фронта. Противник нанес поражение 13-й армии Брянского фронта, которая начала отход к реке Судость. И только теперь Сталин разрешил командующим Юго-Западным, Центральным и Брянским фронтами начать отвод войск. С целью противодействия прорыву противника в тыл Юго-Западного фронта с севера по предложению Шапошникова и Василевского принимается решение о развертывании по реке Десна новой 40-й армии. Однако ее войска, ослабленные в предшествующих боях на днепровском рубеже, не смогли противостоять двум танковым дивизиям врага. Основные силы Южного фронта к исходу 22 августа сумели отойти на левый берег Днепра.

Остановка германских войск на лужском рубеже под Ленинградом, медленное продвижение под Смоленском и на Украине заставили Верховное главнокомандование вермахта внести коррективы в ранее принятый план. 21 августа Гитлер подписал директиву, которая, по мнению Гальдера, имела «решающее значение для всей Восточной кампании». Главной задачей до наступления зимы ставился «не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец[42] и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа». На севере предусматривалось окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками[43]. От группы армий «Центр» требовалось выделить на проведение этой опера-

[42] Речь идет о реке Северский Донец.

[43] См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник. 22.06.1941—24.09.1942 / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист.

ции такое количество сил, которое обеспечило бы уничтожение 5-й армии Юго-Западного фронта и отражение атак советских войск на центральном направлении.

Не только на юго-западе, но и на севере обстановка складывалась неблагоприятно для Красной Армии. Василевский, анализируя ход боевых действий на ленинградском направлении, пришел к выводу, что Северный фронт не сможет противостоять натиску группы армий «Север». С целью улучшения руководства войсками предлагалось разделить этот фронт на два фронта: Карельский и Ленинградский. Сталин одобрил эту идею, которая нашла отражение в директиве от 23 августа. Для защиты восточных районов Баренцева моря и Северного морского пути на основе Беломорской военно-морской базы была развернута Беломорская военная флотилия.

Одновременно Василевский, оценив обстановку, сложившуюся на Брянском и Центральном фронтах, пришел к выводу о необходимости расформирования Центрального фронта и передачи его войск Брянскому фронту. Это позволяло объединить усилия войск, которые вели боевые действия на конотопском и гомельском направлениях. Сталин и Шапошников поддержали предложение Василевского, которое было оформлено директивой от 25 августа[44]. Верховный также поручил Василевскому подготовить директиву командующему войсками Резервного фронта о нанесении 30 августа удара левофланговыми 24-й и 43-й армиями в целях разгрома ельнинской группировки противника, овладения Ельней и выхода к 8 сентября на рубеж Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи. Войска Западного фронта должны были во взаимодействии с левым крылом Резервного фронта к этому же сроку овладеть рубежом Велиж, Демидов, Смоленск.

Сталин, завершив обсуждение всех намеченных вопросов, внимательно посмотрел на Василевского и неожиданно спросил:

– Вы знаете о том, что документ Ставки для штаба ВВС пролежал в шифровальном отделе восемь часов?

– Товарищ Сталин, я уже сделал внушение полковнику Иванову и старшему лейтенанту Краснову. Оба виновны в задержке шифровки.

– У меня ваш либерализм, товарищ Василевский, вызывает зуд! – сердито произнес Иосиф Виссарионович. – Подготовьте приказ наркома обороны, в котором укажите виновных и объявите им взыскания! Иванова и Краснова из Генштаба отчислить, на их место подберите достойных людей.

– Будет исполнено!

Василевский быстро набросал проект приказа. Сталин, прочитав его, в левом углу наложил резолюцию: *«Тт. Василевскому и Жигареву. Прошу начальника Оперативного управления Генштаба и командующего ВВС навести порядок – каждого на своем месте – в шифровальном отделе. И. Ст. 25.08.41 г.»*[45].

По указанию Сталина в Ленинград была направлена группа уполномоченных ГКО, которой предстояло навести порядок в войсках Ленинградского фронта. В состав группы вошли Молотов, Маленков, нарком ВМФ Кузнецов, Косыгин, Жигарев и Воронов. Однако они не оправдали надежды Сталина. 30 августа противник вышел к Неве. В полосе Брянского фронта соединения 2-й танковой группы сумели захватить два плацдарма на Десне – у Коропа и Новгорода-Северского, угрожая выйти в глубокий тыл войск Юго-Западного фронта. Сталин, возмущенный действиями генерала Еременко, около трех часов ночи 2 сен-

---

наук Е. Кулькова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 271–272.

[44] См.: Русский архив: Великая Отечественная: СтавкаВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 134–135.

[45] Цит. по: *Золототрубов А.М.* Василевский: Жезл маршала: роман. С. 135.

тября потребовал от него вышибить противника из района Стародуба, Почепа, разбить вдребезги Гудериана и всю его группу[46].

Вечером 4 сентября при очередном докладе обстановки Сталину он приказал Шапошникову и Василевскому подготовить директиву об отстранении от должности командующего Ленинградским фронтом генерала М.М. Попова. 5 сентября его сменил на этом посту маршал Ворошилов. Ему несмотря на все его старания, также не удалось остановить противника. 8 сентября он занял Шлиссельбург, выйдя к Ладожскому озеру и блокировав Ленинград с суши. Отныне сообщение с городом поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху. Уполномоченные ГКО пришли к однозначному выводу: оставлять Ворошилова в качестве руководителя обороны Ленинграда нельзя.

Не лучшим образом складывалась обстановка и на Брянском фронте. 7 сентября части 2-й танковой группы вышли к Конотопу, создав серьезную угрозу войскам Юго-Западного фронта. Шапошников и Василевский, стремясь их спасти, вновь попытались убедить Сталина в необходимости отвода войск Юго-Западного фронта. Однако Сталин резко отреагировал на это предложение, упрекнув обоих в том, что они идут по пути наименьшего сопротивления. *«При одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание, – вспоминал Василевский. – Нам же, видимо, не хватало необходимой твердости, чтобы выдержать эти вспышки неудержимого гнева, и должного понимания всей степени нашей ответственности за неминуемую катастрофу на Юго-Западном направлении».*

И только около семи часов утра 9 сентября Сталин разрешил командующему Юго-Западным фронтом отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии на Десну на участке Брусилове, Воропаево с обязательным удержанием рубежа Воропаево, Тарасовичи и киевского плацдарма.

В полосе Западного фронта в окружение попали войска 22-й армии генерала Ф.А. Ершакова. После тяжелых боев ее остатки сумели к 3 сентября выйти из окружения. Не имело успеха и наступление войск 16-й армии генерала К.К. Рокоссовского, предпринятое в начале сентября.

В эти дни Сталина порадовал только командующий Резервным фронтом генерал армии Жуков. Войска 24-й армии этого фронта под командованием генерала К.И. Ракутина в ходе Ельнинской наступательной операции к утру 6 сентября освободили Ельню, а к исходу 8 сентября вышли к заблаговременно подготовленному противником оборонительному рубежу по рекам Устрой и Стряна. Ельнинская операция была одной из первых успешных наступательных операций в Великой Отечественной войне. За стойкость в обороне и решительность в наступлении, высокую дисциплину и массовый героизм, проявленные личным составом, 100, 127, 107 и 120-я стрелковые дивизии 24-й армии в числе первых получили почетное наименование гвардейских и соответственно новые названия: 1, 2, 5 и 6-я гвардейские стрелковые дивизии.

10 сентября Сталин, учитывая усталость войск, принял решение о переходе к обороне на Западном, Резервном и Брянском фронтах. Одновременно он потребовал любой ценой удерживать Киев. Маршал Буденный был освобожден от обязанностей главкома Юго-Западного направления и назначен командующим Резервным фронтом. Юго-Западное направление возглавил маршал Тимошенко, руководивший до этого Западным направлением. Генерал Конев, командовавший 19-й армией, по рекомендации Жукова возглавил Западный фронт.

После завершения Ельнинской операции Сталин поручил Жукову немедленно выехать в Ленинград, где вступить в командование войсками Ленинградского фронта. Сталин, сомне-

[46] См.: Русский архив: Великая Отечественная: СтавкаВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 155.

ваясь в том, что удастся удержать Ленинград, 13 сентября потребовал от военного совета фронта утвердить план «мероприятий по уничтожению флота на случай вынужденного отвода из Ленинграда». Ответственность на подачу сигнала к выполнению плана была возложена на командующего Ленинградским фронтом[47].

Жесткая позиция Сталина в отношении обороны Киева стала одной из причин поражения Юго-Западного фронта. 15 сентября противник в районе Лохвицы замкнул кольцо окружения его войск. Около двенадцати часов ночи 17 сентября Сталин, наконец-то, разрешил оставить Киевский укрепрайон и Киев и отойти на восточный берег Днепра. Но время было упущено. По уточненным данным, потери советских войск в Киевской оборонительной операции составили: безвозвратные – 616 304 человек, санитарные – 84 240 человек, 411 танков, 28 419 орудий и минометов, 343 самолета[48]. Противник продвинулся вглубь Украины на 600 км. Однако длительная и упорная оборона армий Юго-Западного фронта вынудила его снять значительные силы с московского направления, что задержало наступление на Москву.

Жуков, вступив в командование Ленинградским фронтом, сумел остановить войска группы армий «Север» генерал-фельдмаршала В. фон Лееба, 18 сентября он лишился 4-й танковой группы, которая по решению Гитлера перебрасывалась на московское направление. 25 сентября фон Лееб доложил главнокомандующему сухопутными войсками, что имеющимися силами он не в состоянии развивать наступление на Ленинград.

По признанию Василевского, Генштаб не сумел точно предугадать замысла действий противника на западном стратегическом направлении. Еще 6 сентября Гитлер подписал директиву № 35, требовавшую от группы армий «Центр» в конце сентября перейти в наступление и «уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах». После этого намечалось преследовать советские войска на московском направлении, примыкая правым флангом к Оке, а левым – к верхнему течению Волги. Группа армий «Юг» должна была выдвинуть подвижные соединения на северо-восток для прикрытия с юга главных сил группы армий «Центр», а обеспечение их с севера возлагалось на группу армий «Север»[49].

Директива Гитлера легла в основу плана операции «Тайфун», разработанного штабом группы армий «Центр» и нашедшего отражение в приказе генерал-фельмаршала Ф. фон Бока от 26 сентября[50]. За счет резервов и войск, снятых с других участков Восточного фронта, группа армий «Центр была значительно усилена. Она насчитывала до 1800 тыс. человек, 14 тыс. орудий и минометов, 1,7 тыс. танков, на поддержку которых было выделено 1390 самолетов[51]. Это составляло 42 % солдат и офицеров, 33 % орудий и минометов, 75 % танков, более 50 % авиации от общего количества сил вермахта на советско-германском фронте.

Войскам группы армий «Центр» противостояли Брянский, Резервный и Западный фронты, насчитывавшие около 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков и 667 самолетов[52]. Противник имел преимущество по живой силе почти в 1,5 раза, по орудиям и минометам – в 1,8, по танкам – в 1,7 и по самолетам – в 2 раза. На направлениях главных ударов противника это превосходство было еще более существенным – в личном составе, артиллерии и танках в 5–8 раз. Большое количество военной техники советских частей и

---

[47] См.: Русский архив: Великая Отечественная: СтавкаВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 181.

[48] См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 270, 484.

[49] См.: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 1. С. 165–166.

[50] См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–1). М.: ТЕРРА, 1997. С. 17.

[51] См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1975. Т. 4. С. 92.

[52] Там же. С. 93.

соединений было устаревших образцов, с недостаточно высокими боевыми возможностями. В ставке Гитлера были уверены в том, что «последнее, решающее сражение кампании», безусловно, будет выиграно. В свою очередь, главнокомандование сухопутных войск полагало, что операция «Тайфун», а вместе с ней и вообще война на Востоке завершатся до середины ноября.

В двадцатых числах сентября в Генштаб поступили разведданные о подготовке противником крупного наступления. По предложению начальника Генштаба и его заместителя Сталин 27 сентября принял решение о переходе войск Западного фронта к жесткой обороне, прикрывая в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму и стыки с соседними фронтами. И только в случае необходимости разрешалось проводить частные наступательные операции для улучшения своих оборонительных позиций. Таким образом, Генштаб правильно определил основные направления наступления противника и пытался принять превентивные меры. Однако из-за недостатка времени не удалось отработать план оборонительной операции на московском направлении, а также выполнить в полном объеме инженерные работы на Ржевско-Вяземском и Можайском рубежах обороны.

30 сентября в наступление на орловском направлении перешла 2-я танковая группа, а 2 октября в действие вступили основные силы группы армий «Центр». Это вынудило войска Западного и Резервного фронтов отходить с большими потерями, пытаясь контратаками сдержать наступление противника. Вечером 3 октября командующий Брянским фронтом обратился к начальнику Генштаба с предложением отвести войска фронта на тыловой рубеж, но Шапошников его категорически отклонил. И только в 18 часов 35 минут 5 октября Сталин разрешил генералу Еременко начать отвод своих войск. Через час Сталин принял решение об отводе войск Западного фронта, на усиление которого из Резервного фронта передавались 31-я и 32-я армии.

Для разбора причин катастрофы армий Западного, Резервного и Брянского фронтов была создана комиссия из представителей ГКО и Ставки ВГК, в том числе Василевский. Сталин, напутствуя его, сказал:

– Вам необходимо все войска, которые оторвались от противника и отходят с запада, срочно направить на Можайскую линию обороны. Организуйте там прочную оборону, чтобы не допустить прорыва врага. С этой целью делайте все, что сочтете нужным. Маршал Шапошников пошлет в ваше распоряжение группу работников Генштаба и две колонны автомашин, на которых вы будете отвозить войска на Можайский рубеж.

5 октября комиссия прибыла в штаб Западного фронта, который размещался восточнее Гжатска. Членов комиссии встречал командующий фронтом генерал И.С. Конев. Вскоре появились две колонны грузовиков под руководством генерал-майора артиллерии Л.А. Говорова.

– Ваша задача, товарищ Говоров, – сказал Василевский, – принимать прибывающие сюда войска с фронта и из тыла, сажать их на машины и отправлять на Можайскую линию!

– Есть, товарищ Василевский! А если у бойцов нет оружия, что делать?

– Тех, у кого нет оружия, отправлять в Особый отдел! – сказал Молотов.

– Наверняка это паникеры, трусы или дезертиры, и надо с ними разобраться, – сурово добавил Ворошилов.

Василевский, не ожидавший такого поворота событий, был в растерянности. Указания Молотова и Ворошилова шли вразрез с той задачей, которую ставил Сталин. Надо было что-то предпринять. Решение созрело мгновенно.

– Данной мне властью как представителю Ставки и заместителю начальника Генштаба, – сказал Александр Михайлович, – приказываю вам, генерал Говоров, бойцов и командиров, у которых не окажется оружия, вооружать и отправлять на Можайский рубеж!

Я понимаю, что среди бойцов могут быть и дезертиры, но мы должны им предоставить возможность кровью искупить свою вину!

– Вы много на себя берете, товарищ Василевский, – недовольно бросил Ворошилов. – Я немедленно доложу об этом товарищу Сталину!

Он подошел к столу, на котором стоял аппарат ВЧ, и попросил дежурного по связи соединить его с Верховным Главнокомандующим.

– Что у вас, Климент Ефремович? – отозвался Сталин.

Ворошилов изложил ему суть дела.

– Я считаю, что генерал Василевский превысил свои полномочия. Бойцов, сбежавших от танков врага и бросивших свое оружие, надо отдавать под трибунал! Судить как предавших Родину, а он приказал вооружить их!

– А кто будет оборонять Можайскую линию? – спросил Сталин. – Где Молотов? Дай ему трубку!

– Слушаю, товарищ Сталин! – сказал Молотов.

– Ты кто, заместитель Председателя ГКО или адъютант Ворошилова? – жестко спросил Сталин. – Почему позволяешь ему разводить базар? Василевский выполняет мой приказ, а Ворошилов на виду у всех устраивает ему разнос!

– Понял, товарищ Сталин, – тихо ответил Молотов.

Василевский, взглянув на генерала Говорова, отрывисто бросил:

– Действуйте, как вам приказано!

– Слушаюсь! – Говоров взял под козырек.

Василевский вспоминает, что комиссии вместе с командованием фронта за пять дней удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий. О ходе работы и положении на фронте члены комиссии ежедневно докладывали по телефону Сталину.

В связи с ухудшением обстановки на западном направлении Сталин вызвал из Ленинграда в Москву генерала армии Жукова. Он поручил ему незамедлительно выехать в расположение войск Западного и Резервного фронтов, чтобы разобраться, что же там происходит[53]. В соответствии с директивой Ставки ВГК от 6 октября главным рубежом сопротивления была определена Можайская линия обороны, которую предписывалось привести в полную боевую готовность. В состав Западного фронта выдвигались части и соединения из резерва Ставки ВГК, а также с Северо-Западного, Юго-Западного фронтов и из Московского военного округа. К 10 октября на Можайской линии обороны были развернуты 4 стрелковые дивизии, 6 военных училищ, 3 запасных стрелковых полка, 5 пулеметных батальонов, 7 танковых бригад, 10 артиллерийских полков и другие части. При этом фланги и стыки укрепленных районов оставались без прикрытия. Не удалось создать и оперативных резервов.

7 октября части 1-й танковой армии[54] соединились в районе Осипенко с моторизованной дивизией 11-й армии, прорвавшейся через Мелитополь. В окружении оказалась часть сил 18-й и 9-й армий Южного фронта. В тот же день 10-я танковая дивизия 4-й танковой группы соединилась в Вязьме с частями 3-й танковой группы. К этому району подошла и 2-я танковая армия[55]. Под натиском противника войска Брянского фронта в ночь на 8 октября начали отход. В тот же день Сталин подписал постановление ГКО о проведении специальных мероприятий по уничтожению предприятий и других объектов в Москве и Московской

[53] 8 октября 1941 г. директивой Ставки ВГК Г.К. Жуков был освобожден от обязанностей командующего Ленинградским фронтом и назначен командующим Резервным фронтом вместо С.М. Буденного.

[54] 6 октября 1941 г. 1-я танковая группа была переименована в 1-ю танковую армию.

[55] С 5 октября 1941 г. 2-я танковая группа стала именоваться 2-й танковой армией.

области в случае захвата противником столицы[56]. 9 октября началось формирование 26-й армии с непосредственным подчинением ее Ставке. Тогда же войска 2-й армии соединились со 2-й танковой армией северо-западнее Брянска. В результате они расчленили окруженную группировку войск Брянского фронта на две части: северную – в районе Брянск, Дятьково и южную – в районе Трубчевск, Суземка, Навля. Для их ликвидации были направлены почти все силы 2-й и 2-й танковой армий.

Утром 10 октября члены комиссии ГКО вернулись в Москву. По их предложению Сталин назначил командующим Западным фронтом генерала армии Жукова, его первым заместителем – генерал-полковника Конева. С целью улучшения управления войсками, действовавшими на западном направлении, директивой Ставки ВГК Западный фронт с полуночи 12 октября объединялся с Московским Резервным фронтом.

В ходе Вяземской оборонительной операции Красная Армия потерпела крупное поражение. По уточненным данным, потери войск Западного и Резервного фронтов составили около 6 тыс. орудий и минометов, более 830 танков[57]. По сведениям фон Бока, в сражениях за Брянск и Вязьму в плен попали 673 098 человек, было захвачено 1277 танков, 4378 артиллерийских, 1009 зенитных и противотанковых орудий, 87 самолетов[58].

«Неудача, постигшая нас под Вязьмой, – пишет Василевский, – в значительной мере была следствием не только превосходства противника в силах и средствах, отсутствия необходимых резервов, но и неправильного определения направления главного удара противника Ставкой и Генеральным штабом, а стало быть, и неправильного построения обороны.

Вместо того чтобы выделить Западному и Резервному фронтам самостоятельные полосы для обороны с полной ответственностью каждого из них за эти полосы в целом, как но фронту, так и в глубину, 24-я и 43-я армии Резервного фронта к началу наступления противника занимали оборону в нервом эшелоне, находясь между левофланговой армией Западного и правофланговой армией Брянского фронтов. Остальные три армии Резервного фронта, растянутые в одну линию на широком участке, находились на позициях в непосредственной глубине обороны Западного фронта но линии Осташков – Оленино – Ельня. Оперативное построение крайне затрудняло управление войсками и взаимодействие фронтов. Даже в результате хорошо, правильно организованной обороны на направлении главных ударов врага ни Западный фронт, ни войска направления в целом не имели превосходства».

После окружения противником крупных сил Западного и Резервного фронтов под Вязьмой создалась крайне опасная обстановка на московском направлении – пути к Москве с запада оказались открытыми. 12 октября ГКО принял постановление, согласно которому наркомату внутренних дел поручалось взять под особую охрану зону, прилегающую к Москве, с запада и юга по линии Калинин, Ржев, Можайск, Тула, Коломна Кашира. Для форсирования строительства третьей линии обороны сроком на 20 дней мобилизовывались 250 тыс. колхозников, рабочих и служащих учреждений и предприятий, расположенных в Московской области, а также 200 тыс. служащих учреждений и предприятий и рабочих предприятий Москвы, не занятых на производстве танков, боеприпасов и вооружения[59].

Гитлер был уверен в том, что в ближайшие дни удастся окружить Москву В директиве № 1571/41 Генштаба сухопутных войск от 12 октября отмечалось, что фюрер не рассчитывает на капитуляцию Москвы, а потому «ни один немецкий солдат не должен заходить» в Москву. Далее в директиве говорилось: *«Кто попытается уйти из города к нашим*

---

[56] См.: Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 210–211.

[57] См.: Военно-исторический журнал. 1991. № 11. С. 21–22.

[58] См.: *Бок Федор фон. Я* стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945 / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринов. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 203.

[59] См.: Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 214–215.

линиям – должен быть расстрелян. Поэтому непрегражденные участки, которые дают возможность проникновению населения в глубь советской страны, должны поощряться. Ко всем остальным городам также относится то, что перед захватом они должны быть уничтожены артиллерийским огнем и бомбардировочной авиацией, а населению их следует предоставить возможность уйти»[60].

Фон Бок, считая, что противник перед фронтом группы армий «Центр» разбит, а его остатки отступают, переходя местами в контратаки, 14 октября отдал приказ № 1960/41 на продолжение наступления на московском направлении[61]. Цель – выход на линию прикрытия с востока Рязань, Ока до Коломны, Егорьевск, Орехово-Зуево, течение рек Киржач и Молокча, Загорск, течение реки Дубна, Волжское водохранилище. Одновременно следовало «стремиться к расширению рубежа прикрытия на линии Рязань, болотистая и озерная местность к северо-востоку, оттуда течение рек Поль[62], Бужа и Колокша, Юрьев-Польский, Переславль-Залесский, течение реки Нерль и р. Перль до Волги».

15 октября противник, реализуя свой план, овладел Боровском и большей частью Калинина. Это вынудило Государственный Комитет Обороны принять постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Оно предусматривало эвакуацию иностранных миссий, Президиума Верховного Совета, правительства во главе с заместителем председателя СНК Молотовым, органов наркоматов обороны и ВМФ в Куйбышев, а основной группы Генштаба во главе с маршалом Шапошниковым – в Арзамас. В случае появления противника у ворот Москвы наркомату внутренних дел поручалось «произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию)»[63]. В постановлении отмечалось, что Сталин «эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке».

Слухи об эвакуации из Москвы породили панику среди населения. В городе начались грабежи и беспорядки. На дорогах возникли пробки, что срывало перегруппировки и снабжение войск. По настоянию Василевского 16 октября с одним из последних эшелонов из Москвы уехали жена Екатерина и сын Игорь. Они поселились у сестры Екатерины, которая проживала в селе Чебаркуль под Челябинском. Василевский также помог с эвакуацией своей первой жене Серафиме Николаевне и сыну Юрию. Они выехали в Лысьву, неподалеку от Котласа, а затем перебрались в Первоуральск.

В связи с отъездом Шапошникова в Арзамас, Василевский, по сути дела, стал главной опорой Сталина. Для обслуживания Ставки ВГК в Москве осталась оперативная группа во главе с Василевским. В ее состав вошли начальники основных направлений Оперативного управления и по одному работнику от основных управлений Генштаба: В.В. Курасов, М.Н. Шарохин, П.П. Вечный, Ф.И. Шевченко, А.Г. Карпоносов, А.И. Шимонаев, М.Т. Беликов, П.Н. Белюсов, К.И. Николаев и А.И. Гриненко. На группу возлагались следующие задачи: всесторонняя оценка обстановки на фронтах и представление соответствующей информации Ставке; своевременная и правильная выработка предложений и их доклад Сталину; разработка планов и директив на основе принимаемых Ставкой решений; осуществление строгого и непрерывного контроля за выполнением решений Ставки, боеготовностью и боеспособностью войск, их материально-техническим обеспечением, формированием и подготовкой резервов.

Войска группы армий «Центр» настойчиво рвались к Москве. 17 октября им удалось захватить город Калинин. Обсуждая с Шапошниковым и Василевским положение на фрон-

---

[60] Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–1). С. 23.

[61] Там же. С. 24–25.

[62] Правильнее река Поля.

[63] См.: Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 217.

тах, Сталин прислушался к их предложению о выделении войск, которые действовали на осташковском и ржевском направлениях, а также в районе Калинина, в самостоятельный Калининский фронт во главе с генералом Коневым. Это позволило упорядочить управление на стыке Северо-Западного и Западного фронтов и почти вдвое сократить полосу обороны Западного фронта. В состав нового фронта вошли 22, 29, 30, 31-я армии и оперативная группа генерала Ватутина. Его войскам предстояло очистить от противника район Калинина и во взаимодействии с Западным и Северо-Западным фронтами ликвидировать его попытки обойти Москву с севера.

19 октября Сталин и Василевский одобрили представленный Жуковым план отхода армий Западного фронта с Можайского оборонительного рубежа на линию Новозавидовский, Клин, Истринское водохранилище, Истра, Жаворонки, Красная Пахра, Серпухов, Алексин[64]. Отвод войск допускался только с особого разрешения Ставки. По решению ГКО с 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах было введено осадное положение.

К концу октября войска Западного фронта остановили врага на реке Нара, на линии 14 км западнее Серпухова, восточнее Тарусы (25 км юго-западнее Серпухова), западная окраина Алексина, Колюбакино (19 км юго-западнее Звенигорода), Тучково (30 км северо-восточнее Можайска), восточная окраина Дорохова, Нарвские пруды. Войска Калининского фронта задержали соединения 9-й армии и 3-й танковой группы на рубеже рек Большая Коша и Тьма. Войскам 2-й танковой армии не удалось захватить Тулу.

Сталин в эти тревожные дни убедился в том, что Василевский способен обеспечивать надежную работу Ставки ВГК. 27 октября на совещании в Кремле Иосиф Виссарионович спросил Василевского:

– Товарищ Василевский, не могли ли бы вы написать постановление о присвоении очередного воинского звания одному из генералов.

– Могу, – ответил Александр Михайлович. – Позвольте узнать, о присвоении какого звания и кому идет речь.

– Товарищу Василевскому.

Такой ответ озадачил Александра Михайловича.

– Я прошу вас, товарищ Сталин, освободить меня от выполнения этого поручения.

Сталин, шутя, ответил:

– Ну, хорошо, занимайтесь своими делами, а уж в этом мы как-нибудь обойдемся и без вас.

Василевский, поблагодарив за такую высокую оценку его работы, поинтересовался, можно ли отметить также и заслуги его прямых помощников. Сталин согласился с этим предложением и обязал Василевского сообщить секретарю

Поскребышеву, кого и как следует отметить. 28 октября постановлением СНК СССР четверым членам оперативной группы были присвоены очередные воинские звания: Василевскому – генерал-лейтенанта, Карпоносову, Курасову и Шевченко – генерал-майора.

Противник не смирился с тем, что операция «Тайфун» захлебнулась. 30 октября фон Бок отдал приказ № 2250/41 о продолжении операции по окружению Москвы[65]. Во исполнение этого приказа соединения 2-й танковой армии 1 ноября предприняли попытку обойти Тулу с юго-востока и востока. Однако контрудар 3-й и 50-й армий, проведенный 7 ноября, вынудил противника на десять дней прекратить наступление. В тот же день в Москве на Красной площади состоялся военный парад. Его принимал заместитель наркома обороны маршал Буденный, а командовал парадом командующий войсками Московского военного

[64] См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–1). С. 111–112.

[65] См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–1). С. 63–64.

округа генерал Артемьев. Это событие показало всему миру, что Россия жива, сыграло огромную роль в укреплении морального духа Красной Армии, всего народа.

С целью совершенствования управления войсками, действовавшими на тульском направлении, по предложению Василевского с 18 часов 10 ноября Западному фронту передавалась 50-я армия Брянского фронта, а его 3-я и 13-я армии с 12 часов 11 ноября включались в состав Юго-Западного фронта. Брянский фронт был расформирован.

Несмотря на обострение обстановки на московском направлении, основной состав Генштаба во главе с маршалом Шапошниковым вернулся в Москву. Это позволило Василевскому вернуться к исполнению своих прямых обязанностей.

После небольшой оперативной паузы войска группы армий «Центр» 15 ноября возобновили наступление, нанося главные удары севернее и южнее Москвы. 22 ноября они захватили Сталиногорск (Новомосковск), а на следующий день – Клин. В ночь на 28 ноября передовой отряд немецкой 7-й танковой дивизии захватил Яхрому и мост через канал Москва – Волга. 30 ноября враг занял Красную Поляну, подойдя к Москве на пушечный выстрел. И в этот критический момент Василевский неожиданно получил от Жукова записку: *«Прошу срочно доложить Народному Комиссару Обороны т. Сталину план контрнаступления Зап. фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой»*[66].

Почему Жуков обратился именно к Василевскому с просьбой доложить Сталину план, разработанный в штабе Западного фронта? Как известно, маршал Шапошников заболел, а потому Сталин снова возложил на Василевского исполнение обязанностей начальника Генштаба. Он, вспоминая обстоятельства разработки плана контрнаступления, пишет: *«Сама идея контрнаступления под Москвой возникла в Ставке Верховного Главнокомандования еще в начале ноября, после того как первая попытка противника прорваться к столице была сорвана. Но от нее пришлось тогда отказаться вследствие нового фашистского натиска, для отражения которого потребовались имевшиеся у нас резервы. Лишь в конце ноября, когда противник исчерпал свои наступательные возможности, его ударные группировки оказались растянутыми на широком фронте, и он не успел закрепиться на достигнутых рубежах, Ставка возвратилась к идее контрнаступления».*

Возможно, что Василевский в какой-то степени прав. По решению Ставки ВГК от 24 и 25 ноября в тылу Западного фронта началось сосредоточение трех резервных армий (10, 26, 61-я). С 29 часов 29 ноября командующему Западным фронтом подчинялись 1-я ударная и 20-я армии[67].

В чем же состояла суть замысла Жукова, утвержденного Сталиным? Командующий Западным фронтом планировал ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разгромить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловую и Богородицк во фланг и тыл 2-й танковой армии Гудериана разбить врага на левом крыле фронта. Для реализации этого замысла привлекались 1 – я ударная, 20-я, 16-я, 10-я резервная армии, которым предстояло перейти в наступление утром 3–4 декабря, а также 30-я армия, начало наступление которой было установлено 5–6 декабря. С целью сковать силы противника на остальном фронте и лишить его возможности переброски войск 4–5 декабря предусматривалось наступление войск 5, 33, 43, 49 и 50-й армий с ограниченными задачами. Почти вся авиация выделялась для поддержки ударной группировки фронта. Глубина операции составляла до 60 км к северу от Москвы и около 100 км – к югу от нее. *«Для постановки войскам фронта более далеких и решительных целей, – отмечал Жуков, – у нас тогда*

---

[66] Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4—*1*). С. 160.

[67] 29 ноября 1941 г. Ставка ВГК приняла решение преобразовать оперативную группу генерала А.И. Лизюкова в 20-ю армию (28,43, 35 и 64-я стрелковые бригады, 331-я и 334-я стрелковые дивизии, танковый батальон и два дивизиона РС) под командованием генерал-майора А.А. Власова.

еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери»[68].

Сталин и Василевский, обсудив представленный план, решили привлечь к контрнаступлению также войска Калининского и Юго-Западного фронтов. От Калининского фронта требовалось нанести удар в направлении Микулино, Городище и Тургиново, выйти на тылы клинской группировки противника и оказать содействие войскам Западного фронта в ее уничтожении[69]. Юго-Западный фронт получил задачу разгромить противника в районе Ельца и оказать содействие войскам левого крыла Западного фронта. Подготовка к контрнаступлению велась с соблюдением мер оперативной маскировки. В результате Гитлер и высшее руководство вермахта по-прежнему были уверены в скором падении Москвы.

Всего войска Западного, Калининского и Юго-Западного фонтов насчитывали около 1,1 млн человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1000 самолетов. Группа армий «Центр» имела 1,7 млн человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков, 615 самолетов[70]. Она превосходила войска трех фронтов в личном составе и танках в 1,5 раза, в артиллерии – в 1,8 раза и уступала им только в авиации – в 1,6 раза.

Фон Бок, реально оценивая обстановку, не испытывал повода для торжества. 1 декабря он докладывал Верховному главнокомандованию вермахта: *«Сражения последних 14 дней показали, что "полное уничтожение" противостоящей нам русской армии является не более чем фантазией. Остановиться у ворот Москвы, где сеть шоссейных и железных дорог является наиболее густой во всей восточной России, означает завязать тяжелые позиционные бои против значительно превосходящего нас по численности противника. Между тем войска группы армий совершенно к этому не готовы. Но даже если невозможное станет возможным и нам в ходе наступления удастся поначалу захватить новые территории вокруг Москвы, у меня все равно не хватит войск, чтобы окружить город и плотно запечатать его с юго-востока, востока и северо-востока. Таким образом, проводящееся сейчас наступление является атакой без смысла и цели* (выделено нами. – *Авт.), особенно учитывая тот факт, что время приближается к роковой черте, когда силы наступающих войск будут исчерпаны полностью»*[71].

Этот вывод примечателен тем, что фон Бок признал провал плана блицкрига. Он считал, что если группе армий «Центр» придется вести зимой оборонительные бои, то это возможно, лишь при условии усиления не менее чем 12 дивизиями, предоставления времени для наведения порядка на железных дорогах, обеспечения регулярного снабжения войск и создания необходимых запасов. Если оба эти условия не будут соблюдены, то следует найти в тылу группы армий удобные для обороны «спрямленные позиции», которые войска смогут занять, как только соответствующий приказ будет издан.

К 5 декабря в 70—100 км к западу от Москвы наступило временное затишье. Операция «Тайфун» захлебнулась. Стратегическая инициатива стала переходить к Красной Армии. В ходе Московской стратегической оборонительной операции она понесла значительные потери: безвозвратные – 514 338, санитарные – 143 941 человек, 2785 танков, 3832 орудий и миномета, 293 боевых самолета[72]. Потери противника только в период с 16 ноября по 5 декабря составили 155 тыс. человек, 777 танков, сотни орудий и минометов.

---

[68] Цит. по: *ЖуковГ.К.* Воспоминания и размышления. В 3-х т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Новости, 1990. Т. 2. С. 247.

[69] См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 316.

[70] См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 4. С. 283—

[71] Цит. по: *Бок Федор фон. Я* стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945. С. 262.

[72] См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 273, 484.

По указанию Сталина в ночь на 5 декабря Василевский выехал в штаб Калининского фронта, чтобы лично передать командующему фронтом директиву на переход в контрнаступление и разъяснить ему все требования по ней. После этого Александр Михайлович вернулся в Москву, переоделся в парадную форму и поехал в Кремль. Здесь Сталин проводил прием в честь председателя совета министров Польской Республики генерала В. Сикорского.

Сталин, поздоровавшись с Василевским, спросил:

– Какое настроение у товарища Конева?

– По-моему, боевое. Завтра утром начинает контрнаступление, обещал выполнить директиву Ставки.

– Это уже хорошо… А что это у вас на мундире один лишь орден Красной Звезды и медаль «XX лет РККА»? Почему не надели остальные ордена и медали?

– У меня их нет…

– Вот как? – удивился Сталин. – А за что вас наградили орденом Красной Звезды?

– За добросовестную работу в Генштабе во время войны с Финляндией.

– Да, негусто у вас с наградами, – покачал головой Сталин и пригласил всех следовать за ним в зал приема…

Поздно ночью Василевский вернулся домой. В почтовом ящике обнаружил два письма от супруги. Усевшись на диван, Александр Михайлович раскрыл первое письмо и стал читать.

«Саша, милый!

Если ты думаешь, что мне здесь с Игорьком хорошо, то ошибаешься. Страшно по тебе скучаем. А вчера мне приснился странный сон. Будто мы с тобой в подмосковном лесу собираем грибы. Ты в белой рубашке, я в твоем любимом голубом платье. У большого куста крапивы я увидела белый гриб. Протянула руку, чтобы сорвать его, и тут меня укусила… змея! Я вскрикнула от боли. И тут я проснулась… Была вся в поту, во рту горчило, словно глотнула перца, появилась тошнота…

До утра я так и не уснула. Все гадала, к чему бы этот сон? Я так молила Бога, чтобы у тебя там все было хорошо! Ты, видно, часто бываешь на фронте, так что побереги себя, пожалуйста.

Веемы, кто эвакуировался из Москвы, очень переживаем за столицу. Неужели немцам удастся захватить ее? Нет, такого быть не должно!

Игорек чувствует себя хорошо. Часто спрашивает, где его папка и скоро ли он приедет домой. Знаешь, Саша, он очень похож на тебя. Инос, и глаза, и рот, и открытый лоб… Я так счастлива, что у нас растет сын! А ты, ты счастлив? Кажется, здесь, вдали от дома, я остро почувствовала, как сильно тебя люблю! И боюсь тебя потерять. Сейчас идет война, и не знаешь, где тебя может смертельно ужалить пуля или осколок.

Как поживает твой друг Георгий Жуков? Если увидишь его, передай от меня привет. Что-то в нем есть подкупающее, и я рада, что у тебя надежный товарищ…

Как будто проснулся Игорек, что-то мурлычет. Пиши, Саша, часто пиши нам. Мой адрес – на конверте. Целую. Твоя Катюша.

P. S. Сашок, у меня родилась такая мысль. Что, если я оставлю Игоря у сестры, а сама приеду к тебе в Москву, хотя бы на три-пять дней? Жду твоего решения».

Василевский, прочитав письмо, отложил его в сторону и взял второй конверт.

«Саша, дорогой мой!

Весь день я была в слезах, и только под утро мне стало легче. А знаешь отчего? В садике я качала Игорька на качелях, было ветрено, холодно, сыпала ледяная крупа, и он сильно простыл. Под вечер у него поднялась температура, начался жар. Сестра вызвала участкового врача, он живет тут рядом. Врач – старушка лет шестидесяти пяти (моло-

дые врачи все ушли на фронт) – осмотрела его. И что ты думаешь? Воспаление легких! Всю неделю я не отходила от кроватки Игорька. Он глотал таблетки и пил горячее молоко с медом и сливочным маслом. Сейчас ему легче. Так что от переживаний я едва не поседела.

Часто думаю о тебе, Сашок, и мысли очень невеселые. В предыдущем письме я говорила тебе, что могу приехать. Теперь я не решусь оставить Игорька кому-либо, даже сестре. За ним нужен глаз да глаз.

Целую тебя, дорогой. Пиши. Твоя Катюша.

P. S. Где находится в эвакуации Юра? Куда увезла его Серафима? Если у тебя есть его адрес, сообщи мне, я черкну ему письмецо. А Серафима случайно тебе не написала?..»[73]

Василевский сразу же начал писать ответ жене:

«Здравствуй, моя Катюша! Ты спрашиваешь, куда уехала Серафима? Она и Юра находятся в Первоуральске неподалеку от Свердловска. Недавно Юра звонил мне, у них все хорошо. Юра работает на заводе учеником слесаря. Скажу тебе, Катюша, что за Юру я переживаю. Ему ведь скоро в армию, а я даже не знаю, кем он хочет стать… Пиши, Катюша, твои письма – бальзам мне на душу.

Целую. Твой Сашок».

В 11 часов утра 5 декабря войска левого крыла Калининского фронта, а в два часа дня – и правого фланга 5-й армии Западного фронта нанесли удары по противнику. Фон Бок получив сообщение об этом, принял решение об отводе вечером 6 декабря войск 4-й армии, 4-й и 3-й танковых групп. Таким образом, он, исходя из реально сложившейся обстановки, не стал ждать, когда Западный фронт всеми силами перейдет в контрнаступление. Фон Бок решил выиграть время и заставить Жукова ударить по пустому месту.

На следующий день в наступление перешли армии правого крыла и левого крыла Западного фронта. Гитлер, сомневаясь в успехе контрнаступления войск Западного и Калининского фронтов, все-таки принял решение об отводе войск группы армий «Центр». В ночь на 7 декабря правый фланг 3-й танковой группы начал отход. Однако на ее левом фланге обстановка значительно осложнилась в связи с переходом в наступление войск 1-й ударной армии Западного фронта, которые к исходу дня завершили освобождение Яхромы. Кавалерийская группа генерала П. А. Белова заняла Мордвес и устремилась на Венев. Соединения 10-й армии Западного фронта овладели городом Михайлов и Серебряными Прудами, а 20-я армия – Белым Растом. Оценивая обстановку, Гальдер записал в своем дневнике: *«Самым ужасным является то, что ОКБ*[74] *не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того чтобы принимать принципиальные стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий "Центр" на рубеж Руза, Осташков»*[75].

Действительно, Гитлер в своей директиве № 39 от 8 декабря требовал ожесточенного сопротивления войскам Красной Армии. Отход разрешался лишь в том случае, если на прежних позициях части «не смогут из-за отсутствия боеприпасов или продовольствия причинить ущерб противнику». Одновременно группе армий «Юг» предстояло «в течение зимы предпринять наступление с целью выхода на рубеж нижнего течения рек Дон и Донец» и «как можно быстрей захватить Севастополь».

Тем временем войска Западного фронта продолжили наступление. В ночь на 11 декабря они овладели Сталиногорском 2-м, днем – городом Истра, а 12-го – Солнечногорском.

---

[73] Цит. по: *Золототрубов А.М.* Василевский: Жезл маршала: роман. С. 198–199.

[74] ОКБ – от нем. Oberkommando der Wehrmacht – Верховное главнокомандование вермахта. – *Авт.*

[75] Цит. по: *Гальдер Ф.* Военный дневник. 22.06.1941—24.09.1942. С. 445.

Соединения Юго-Западного фронта замкнули кольцо окружения вокруг елецко-ефремовской группировки врага. Не столь успешно развивалось наступление Калининского фронта, что вызвало раздражение у Сталина. В девятом часу вечера

12 декабря он потребовал от Конева заменить «крохоборскую тактику» тактикой действительного наступления. Войска 31-й и 29-й армий должны были немедленно окружить и пленить врага в районе Калинина, а 30-я и 1-я ударная армии Западного фронта – в районе Клина.

Успешное развитие контрнаступления вынудило фон Бока

13 декабря попросить главнокомандующего Сухопутными войсками генерал-фельдмаршала фон Браухича подыскать ему замену из-за ухудшения физического состояния. Фон Браухич, изучив сложившуюся обстановку, 14 декабря пришел к выводу о необходимости начать отвод войск группы армий «Центр». Гитлер не возражал против спрямления выступов у Клина и Калинина, но потребовал удерживать позиции до последнего солдата, пока не будут завершены все необходимые приготовления для приема войск на тыловых позициях. На усиление группы армий «Центр» перебрасывались несколько дивизий и маршевые батальоны.

Однако все это мало помогало. 15 декабря соединения 1-й ударной и 30-й армий полностью очистили от врага Клин, 10-я армия выбила его из Богородицка, а 50-я армия освободила Ясную Поляну. Войска 29-й и 31-й армий 16 декабря заняли Калинин, а кавалерийская группа генерала Белова и войска 10-й армии вышли на реку Упа. На следующий день части 49-й армии, действовавшей на левом крыле Западного фронта, освободили Алексин и стали обходить с тыла Тарусу. Тогда же оперативная группа генерала Ф.Я. Костенко (5-й кавалерийский корпус, 1-я гвардейская стрелковая дивизия, 34-я мотострелковая бригада) вышла к реке Любовша, где подверглась яростным контратакам противника и вынуждена была остановиться.

В те дни внимание Ставки и Генштаба было приковано и к северо-западному направлению. Здесь еще 10 ноября войска 54-й армии Ленинградского фронта, 4-й и 52-й отдельных армий при содействии части сил Северо-Западного фронта приступили к проведению Тихвинской наступательной операции. 17 декабря войска 54-й армии вышли в район Оломны, охватив левый фланг волховской группировки противника. Одновременно соединения 4-й армии охватили ее правый фланг. Под угрозой окружения эта группировка начала поспешно отходить.

Сталин, обсудив с Шапошниковым и Василевским обстановку, приказал войскам Волховского фронта перейти в общее наступление, разгромить противника, обороняющегося на реке Волхов, а затем его окружить и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта пленить или истребить. Прикрытие Ленинграда с севера возлагалось на 23-ю армию, оборонявшую Карельский укрепрайон. Одновременно было одобрено предложение Василевского о нанесении не позднее 26 декабря силами Северо-Западного фронта удара из района Осташкова в общем направлении на Торопец, Велиж, Рудня с целью отрезать Смоленск с запада. Кроме того, 29–30 декабря войска 11-й армии должны были нанести удар на Старую Руссу, овладеть городом, а затем ударом на Дно и Сольцы во взаимодействии с войсками Волховского фронта отрезать пути отхода противника со стороны Новгорода и Луги[76].

Гитлер, требуя от войск стойкости, взял на себя руководство сухопутными войсками. Фон Боку был предоставлен отпуск «до полного восстановления здоровья», а фон Браухич отправлен домой «по болезни». 18 декабря группу армий «Центр» возглавил генерал-фельдмаршал Х.Г. фон Клюге, а его на посту командующего 4-й армией сменил генерал Л. Кюблер.

[76] См.: Русский архив: Великая Отечественная: СтавкаВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 340.

К исходу 7 января 1942 г. войска Калининского, Западного, Брянского[77] и правого крыла Юго-Западного фронтов вышли на рубеж Селижарово, Ржев, Волоколамск, Наро-Фоминск, Мосальск, Белев, Мценск, Тим. На этом завершилась Московская стратегическая наступательная операция, имевшая огромное значение не только в военном, но и в политическом отношении. *«Финал великой битвы под советской столицей имел исключительное морально-политическое значение, – пишет Василевский. – Ведь Гитлер в своей агрессивной политике до того момента не знал неудач. Он захватывал одну страну за другой, овладел чуть ли не всей Западной Европой. Немецкая армия в глазах значительной части человечества была окружена ореолом непобедимости. И вот впервые "непобедимые " немецкие войска были биты, и биты по-настоящему… Значение этих побед состояло в том, что советские войска вырвали стратегическую инициативу из рук противника, не позволив ему достичь ни одной из стратегических целей, предусмотренных "планом Барбаросса". Под воздействием сокрушительных ударов "план Барбаросса " рухнул, а его основа – теория молниеносной войны – потерпела полный крах, заставив фашистское руководство перейти к ведению стратегии затяжной войны. В ходе зимнего наступления советские войска разгромили до 50 дивизий врага, нанеся особенно серьезное поражение основной группировке вражеских войск – группе армий "Центр ". И только в результате резкого ослабления своих сил в Европе, где в то время не велось активных действий против Германии, фашистам удалось спасти свои войска на советско-германском фронте от полной катастрофы».*

К этому добавим, что войска Волховского и Ленинградского фронтов, проводившие Тихвинскую операцию, продвинулись на 100–120 км. Они освободили значительную территорию и обеспечили сквозное движение по железной дороге до станции Войбокало. План врага – полностью изолировать Ленинград от страны и задушить его голодом – был сорван.

Однако положение группы армий «Центр» было не столь уж плачевным, как это ранее изображалось в отечественной историографии. По уточненным данным, она с 6 декабря 1941 по 7 января 1942 г. потеряла около 116 тыс. человек, или 14,5 % состава дивизий, бригад, отдельных полков и батальонов[78]. Кроме того, по сведениям, приведенным в 5-м томе «Военной энциклопедии», в ходе операции были разбиты 38 дивизий, в том числе 11 танковых и 4 моторизованные. В декабре 1941 г. группа армий получила 40,8 тыс. человек маршевого пополнения, что позволило на одну треть восполнить потери. Военная машина нацистской Германии дала сбой, но мощь свою не потеряла.

Войска Западного, Калининского, Брянского (с 24 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г.) фронтов и правого крыла Юго-Западного фронта (с 6 по 31 декабря 1941 г.) потеряли безвозвратно 139 700 человек, а санитарные потери составили 231 369 человек; всего 371 069 человек[79]. Следовательно, они в 3,2 раза превышали потери противника в живой силе. Кроме того, в ходе операции было потеряно 429 танков, 13 350 орудий и минометов, 140 боевых самолетов[80]. Столь большие потери были обусловлены необходимостью прорыва вражеской обороны, овладения сильно укрепленными городами и населенными пунктами.

Еще до завершения контрнаступления под Москвой Ставка ВГК 5 января 1942 г. под давлением Сталина приняла решение силами девяти фронтов развернуть общее наступление одновременно от Ладожского озера до Черного моря, чтобы создать условия для полного разгрома вермахта уже в 1942 г. Суть решения заключалась в том, чтобы левым крылом Северо-Западного фронта, Калининским, Западным и Брянским фронтами нанести главный удар

---

[77] По решению Ставки ВГК к 24 декабря 1941 г. был воссоздан Брянский фронт (61, 3 и 13-я армии) под командованием генерал-полковника *Я.*Т. Черевиченко.

[78] См.: *Невзоров Б.И.* Московская битва: феномен Второй мировой. М.: СмДиПресс, 2001. С. 131.

[79] См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследова

[80] ние. С. 276.

на центральном, Западном направлении по наиболее сильной группировке врага – группе армий «Центр» и путем двустороннего охвата окружить и уничтожить ее основные силы в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска. Разгром группы армий «Север» и деблокада Ленинграда возлагались на войска Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-

Западного фронтов. Юго-Западный и Южный фронты должны были разбить главные силы группы армий «Юг» и освободить Донбасс. Армиям Кавказского фронта[81] при содействии Черноморского флота надлежало завершить освобождение Крыма. Переход в общее наступление намечалось осуществить в крайне сжатые сроки. К началу весны планировалось продвинуться на глубину 300–400 км.

Нереальность такого замысла вытекала уже из фактического состояния Красной Армии, насчитывавшей около 4,2 млн человек, 28 тыс. орудий и минометов, 1780 танков, из них 506 тяжелых и средних. Им противостояли войска Германии и ее союзников общей численностью около 4 млн человек, около 35 тыс. орудий и минометов и 1500 танков[82]. Советские фронты ни на одном из направлений не обладали ни количественным, ни качественным перевесом над врагом. Более половины дивизий действующей армии имели примерно 50 % штатного состава. Особенно сильно были обескровлены соединения Западного и Калининского фронтов, которые вели непрерывные бои с главной ударной группировкой вермахта, наступавшей на Москву.

После совещания Сталин поручил Шапошникову обобщить опыт предыдущих боевых действий и выработать рекомендации по его использованию в предстоящем наступлении. Эту задачу начальник Генштаба возложил на своего заместителя. Василевский, тщательно проанализировав опыт контрнаступления под Москвой, 9 января представил Сталину проект директивного письма Ставки. Он внес в него ряд правок и около двух часов ночи 10 января подписал этот документ.

Свою подпись поставил и Василевский. Директивное письмо за № 03 было адресовано военным советам фронтов[83]. В нем главное внимание при прорыве обороны врага обращалось на необходимость действий ударными группами и организации артиллерийского наступления.

Фронты без оперативной паузы развернули общее наступление. 7 января 1942 г. Волховский фронт и левое крыло Ленинградского фронта начали Любаньскую, основные силы Северо-Западного фронта – Демянскую и его левое крыло – Торопецко-Холмскую операции. На следующий день Западный и Калининский фронты приступили к проведению Ржевско-Вяземской, а 18 января Юго-Западный и Южный фронты – Барвенково-Лозовскую операции.

Общее наступление Красной Армии развивалось не столь успешно, как это планировалось. Войска Ленинградского, Волховского фронтов и правого крыла Северо-Западного фронта в январе – апреле 1942 г. сковали значительные силы группы армий «Север», окружили ее демянскую группировку, нанесли большой урон врагу, но, понеся значительные потери, не смогли деблокировать Ленинград. Войска Западного и Калининского фронтов при содействии левого крыла Северо-Западного и правого крыла Брянского фронтов в ходе Ржевско-Вяземской операции охватили с северо-запада и юга группу армий «Центр», но не сумели окружить и уничтожить ее основные силы. Армии Юго-Западного и Южного фронтов прорвали оборону врага южнее Балаклеи и Изюма, продвинувшись на 90—100 км, но им не удалось разгромить донбасско-таганрогскую группировку противника. Войска Кав-

[81] 30 декабря 1941 г. на базе Закавказского фронта был образован Кавказский фронт.

[82] См.: Русский архив: Великая Отечественная: СтавкаВГК: Документы и материалы: 1942 год. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 16 (5–2). С. 9.

[83] См.: Русский архив: Великая Отечественная: СтавкаВГК: Документы и материалы: 1942 год. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 16 (5–2). С. 33–35.

казского фронта совместно с силами Черноморского флота освободили Керченский полуостров, отвлекли силы противника от Севастополя, создав условия для освобождения Крыма.

В ходе общего наступления войска Красной Армии разгромили около 50 дивизий противника, отбросили его на запад на 150–400 км, ликвидировали угрозу Москве и Северному Кавказу, облегчили положение Ленинграда, освободили полностью или частично территории 10 областей. Вермахт, потерпев крупное поражение, был вынужден на всем советско-германском фронте перейти к стратегической обороне. Однако многие операции Красной Армии остались незавершенными из-за переоценки Ставкой ВГК их возможностей и недооценки сил противника, распыления резервов, неумения создать решающее превосходство на важнейших участках фронта.

Для Василевского зимняя кампания стала серьезным экзаменом, который он выдержал успешно. В связи с тем, что Шапошников снова заболел, Александру Михайловичу опять пришлось исполнять обязанности начальника Генштаба. Под директивами и приказами Ставки мы в основном видим подписи двух человек – Сталина и Василевского. В ряде случаев Александр Михайлович подписывает оперативные документы от имени или по поручению Верховного Главнокомандующего или Ставки.

Наряду с Василевским, еще одним доверенным лицом Верховного стал генерал армии Жуков. Два друга, Александр Михайлович и Георгий Константинович обладали стратегическим чутьем, умели правильно оценивать обстановку, делать из этой оценки верные выводы, предлагая решения, от которых зависели ход и исход той или иной операции. Это, конечно, не означает, что Василевский и Жуков не совершали ошибок. Они, естественно, были. Но, бесспорно то, что их с каждым разом становилось все меньше. Василевский и Жуков учились в ходе военных действий, ибо ни в одной академии не могут научить тому, что познается на практике. Правда, Сталин не всегда прислушивался к советам и предложениям Василевского и Жукова. В результате принимались не всегда верные решения, пагубно влиявшие на ход событий. Но в тех случаях, когда Верховный воспринимал правильно все, что ему предлагали, результат всегда был положительным.

Сталин в ходе зимней кампании, пристально наблюдая за работой Василевского, пришел к выводу, что ему можно смело доверять самые ответственные задания. 31 марта Сталин принял решение, имевшее судьбоносное значение для Александра Михайловича. В этот день Верховный Главнокомандующий и маршал Шапошников подписали директиву об освобождении генерала В.Д. Соколовского от обязанностей первого заместителя начальника Генштаба с оставлением его в должности начальника штаба Западного направления. Первым заместителем начальника Генштаба был назначен Василевский, а вторым заместителем и по совместительству начальником Оперативного управления – генерал П.И. Бодин, освобожденный от обязанностей начальника штаба Юго-Западного фронта[84].

Василевский после совещания, собрал бумаги в папку и попросил разрешения покинуть кабинет. Но Сталин остановил его и спросил:

– Вы возвратили семью из эвакуации, а где живет она?

– Мне предоставлена отличная квартира на улице Грановского, – ответил Василевский.

– А где вы отдыхаете, когда имеется возможность? – продолжал Сталин.

– Там и отдыхаю, а чаще в Генштабе, в особняке Ставки, рядом с моим кабинетом имеется приличная комната отдыха, там и сплю.

– А у вас за городом дачи нет?

[84] См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 215–216.

– Последние два предвоенных года семья и я пользовались в летние месяцы дачей наркомата обороны в Краскове, но мне из-за работы и тогда приходилось бывать там редко, так как далеко от Москвы, – ответил Василевский.

Вскоре генерал Н.С. Власик, начальник охраны Сталина, вручил Василевскому ключи от дачи в Волынском, на берегу реки Сетунь. Однако Александр Михайлович редко ездил туда: то находился на фронтах, то спал по-прежнему в Генштабе. Тем более что в начале апреля он получил предметный урок от вождя. Он, решив тогда все дела, отправился ночью на дачу. Утром он немного задержался, как тут раздался телефонный звонок. Взяв трубку телефона, Александр Михайлович услышал голос Поскребышева:

– Вас ищет товарищ Сталин.

– Товарищ Василевский, вы не успели обжиться на даче, а уже засиделись там, – сказал Иосиф Виссарионович. – Боюсь, что вы и совсем переберетесь туда. В часы сна можете спать на даче, а в рабочее время будьте в Генштабе.

Это было для Василевского уроком, и, пока шла война, он редко бывал на даче.

Глава третья
Маршальский жезл

24 апреля А.М. Василевского, находившегося в штабе Северо-Западного фронта, вызвал к телефону И.В. Сталин.

– Товарищ Василевский, напряженная работа подорвала здоровье маршала Шапошникова, – сказал Иосиф Виссарионович. – Поэтому решено освободить его от работы и дать возможность подлечиться, а временное исполнение обязанностей начальника Генштаба возложить на вас. Товарищ Шапошников останется заместителем наркома обороны.

– Товарищ Сталин, спасибо за доверие, – ответил Василевский.

9 мая Василевский по указанию Сталина вернулся в Москву. Теперь ему предстояло решать вопросы, связанные с планированием и руководством военными действиями, уже в роли исполняющего обязанности начальника Генштаба. Если судить по опубликованным документам Ставки ВГК, то впервые подпись Василевского в этом качестве появилась только 11 мая. В своих мемуарах он отмечает, что 26 апреля ему было присвоено воинское звание генерал-полковника. По другим данным, это звание он получил лишь 21 мая.

Сталин, возлагая на Василевского временное исполнение обязанностей начальника Генштаба, решил довести дело до логического конца. В мае – июне он неоднократно предлагал Александру Михайловичу полностью принять на себя обязанности начальника Генштаба. *«Я, как и всякий раз при подобных разговорах, просил этого не делать, – пишет Василевский. – Я отказывался от этого назначения потому, что искренне считал себя не подготовленным для этой роли, тем более в условиях той сложной военной обстановки. Наблюдая в течение ряда лет за работой Б.М. Шапошникова и некоторых других военачальников, я отлично понимал, что подбор кандидата на должность начальника Генерального штаба является исключительно серьезной проблемой и что далеко не каждый, даже более подготовленный и опытный военачальник, чем я, может с ней справиться. Я считал, что начальник советского Генштаба обязан обладать не только глубокими военными знаниями, боевым опытом, критическим умом, но и рядом других специфических качеств. Он должен быть военачальником, пользующимся высоким авторитетом в Вооруженных Силах и стране, безусловно, с сильной волей и в то же время способным постоянно и во всех случаях проявлять выдержку, спокойствие и разумную гибкость в руководстве огромным и столь ответственным, разнохарактерным коллективом, каким является Генеральный штаб, и в то же время иметь и дипломатические способности».*

Все те качества, которые перечислил Василевский, несомненно, были присущи и ему. Сталин, имевший немалый опыт в решении кадровых вопросов, это давно уже уловил. 26 июня приказом Ставки ВГК генерал-полковник Василевский был утвержден в должности начальника Генштаба. С целью повышения статуса Александра Михайловича постановлением СНК СССР от 14 октября он назначается заместителем наркома обороны.

Итак, А.М. Василевский достиг пика своей карьеры. Он теперь стал во главе «мозга армии». Василевский ничего не изменил в стиле деятельности Генштаба, который сложился под руководством Шапошникова. Не произошло и «перетряхивания» кадров.

А.М. Василевский руководил Генштабом около трех лет, из которых почти два года (более 22 месяцев) провел на фронтах в роли представителя Ставки ВГК. *«В тех конкретных условиях ведения вооруженной борьбы такая практика являлась, – отмечал Александр Михайлович, – я бы сказал, не только правильной, но и необходимой для Ставки и Генерального штаба, так как она позволяла при принятии окончательных решений и при разработке планов проведения операций исходить не только из данных, которые имеются в Цен-*

тре, но уже в значительной мере учитывать особенности обстановки непосредственно на месте и производить на этой основе более обоснованные расчеты». В то же время Василевский подчеркивает: *«Безусловно, нельзя отрицать при этом того, что, часто выезжая на фронт и находясь там, я, как начальник Генерального штаба, не мог принимать непосредственного участия в решении всех вопросов, над которыми обязан был работать аппарат Генштаба, и лишался возможности повседневного общения с его коллективом, а следовательно, и возможности оказывать постоянную, практическую помощь в работе его управлениям и отделам. И это немало беспокоило меня, беспокоило и потому, что я остро чувствовал и воспринимал ту довольно жесткую, не дававшую каких-либо скидок требовательность, которую предъявлял ко мне Верховный Главнокомандующий почти каждый раз за те или иные упущения или промахи в работе Генерального штаба. Поэтому я, будучи в отрыве от Генерального штаба, принимал все меры к тому, чтобы обеспечить себе возможность для более эффективного руководства его работой. Учитывая порою крайне слабую укомплектованность его руководящими кадрами, вынужден был неоднократно докладывать о своем беспокойстве за Генштаб Ставке Верховного Главнокомандования. Однако И.В. Сталин несколько проще относился к этому моему беспокойству».*

В отсутствие А.М. Василевского во главе Генштаба оставался военный комиссар Ф.Е. Боков, который 8 августа 1942 г. был назначен заместителем начальника Генштаба, хотя и не был подготовлен для выполнения чисто оперативных функций. Заместители начальника Генштаба генералы Ватутин и Бодин, назначенные на эти должности по просьбе Василевского, вскоре, в июле возглавили первый – Воронежский фронт, а второй – штаб Сталинградского фронта. В результате Оперативное управление снова осталось без руководителя. Василевский, стремясь обеспечить бесперебойную и эффективную его работу, попросил Сталина назначить начальником Оперативного управления и первым заместителем начальника Генштаба генерал-лейтенанта А.И. Антонова, руководившего штабом Закавказского фронта.

– Напрасно вы так озабочены работой Генштаба, – сказал Сталин. – Главное сейчас для Ставки, для Генштаба, да и для всех – это успешное выполнение проводимых и намеченных нами операций, на них и должно быть сосредоточено все ваше внимание, сюда должно быть направлено и основное внимание Генштаба, к тому же все важнейшее по ним Генштабом уже сделано, а с остальными канцелярскими делами мы как-нибудь справимся и без вас, а когда вы будете необходимы здесь как начальник Генерального штаба при решении новых задач, то не беспокойтесь, мы вас не забудем и пригласим. Если же у Генерального штаба в процессе его работы встанут какие-либо серьезные затруднения и появится необходимость помочь ему, то думаю, что вы сможете это сделать и находясь на фронте. А в основном сейчас не вы должны помогать Генштабу, а Генштаб вам.

Сталин в то время не придавал должного значения роли Генштаба в планировании и руководстве вооруженной борьбой, считая, что он занимается обыденной канцелярщиной. Осознание своей ошибки придет к Верховному Главнокомандующему позже, когда Генштаб под руководством Василевского докажет, что является полноценным рабочим органом Ставки ВГК. Однако надо отдать должное настойчивости Василевского, который сумел убедить вождя в необходимости назначения генерала Антонова в Генштаб. Такое назначение состоялось 11 декабря 1942 г., несмотря на то, что Сталин лично его не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.